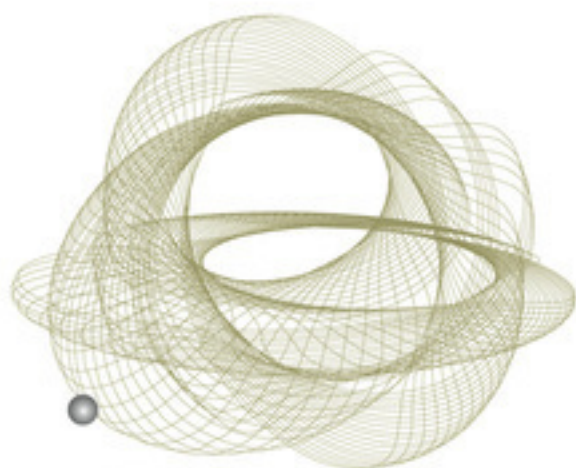

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ВАТЕРЛИНИЯ

Галактическая империя

Александр Громов

Наработка на отказ

«ЭКСМО»

1994

Громов А. Н.

Наработка на отказ / А. Н. Громов — «Эксмо»,
1994 — (Галактическая империя)

...Это был век штыковой атаки человечества на новые планеты, век, когда была создана Лига Свободных Миров. Именно в этих мирах разворачивается действие романов «Наработка на отказ» и «Ватерлиния». Именно над этими планетами появляются загадочные черные корабли. Ни одна из попыток вступить с ними в контакт или уничтожить не принесла успеха. Иная цивилизация? Сверхцивилизация? Или люди, вернее, часть человечества, вышедшая на новый генетический уровень?..

© Громов А. Н., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

У каждого свои проблемы	5
Глава 1	25
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Громов

Наработка на отказ

«Лучше быть безумным со всеми, чем благоразумным в одиночку».
Бальтасар Грасиан. Карманный оракул.

У каждого свои проблемы

1

Утром потоп сошел на нет, но последние, особенно крупные капли еще побрякивали по жестяной крыше, скатывались к краю и лениво стекали по окнам. Как всегда после ливня, снаружи пузырилось и шипело, воздух был свеж, и очень хотелось выбраться из жилого вагончика, вдохнуть полной грудью, а может быть, даже пробежаться босиком, по-детски расплескивая лужи и ловя ртом настоящий воздух с небольшим, но верным избытком аммиака. И пахло как будто аммиаком, хоть говорят, аммиак и не пахнет вовсе. Чепуха, в больших дозах он особенно приятен. Муссон всегда приносит много аммиака. Не вонь нестерпимая – целебный воздух, пьяная ясность в голове и позыв к немедленному действию. Такие позывы надо гасить. Но, пожалуй, было бы неплохо дойти до лаборатории, посмотреть, много ли бед натворил предутренный толчок, а заодно выяснить, что еще не готово к эвакуации, и если что-нибудь все-таки не готово – найти виновного и занудить так, чтобы тот побежал работать вприпрыжку, а не сидел без дела, что плохо, и не ныл на печальные обстоятельства, что еще хуже. Сегодня каждый должен быть мил и очарователен, с точки зрения высокого начальства, иными словами – деловит, корректен и исполнителен до безмозглости, а если таковым не окажется, то это в первую голову вина начальства местного... Симо Муттик скрипнул зубами. В иных случаях начальник биологической станции обязан быть само радушие и гостеприимство, и грош начальнику цена, если он этого не умеет. Джулия послана вчера в Международную Зону с приказом пустить в ход личное обаяние и без Чернова не возвращаться. Можно не сомневаться, Чернова она добудет, да и сам Чернов, если, сидя в начальственном кресле, еще не задрал нос в заоблачные сферы, не откажется повидать друга-приятеля Симо Муттика, хоть и понимает, конечно, что раз друг-приятель зазывает к себе, значит, что-то ему, другу-приятелю, от начальства нужно. Остается выяснить: много ли просит? А впрочем, чего там выяснять, сам скажет.

В углу трудился Ахмет, драил мягкой щеткой противорадиационный скафандр, останавливался, критически глядя на работу, потом плевал на щетку и драил снова. Скафандр блестел. Еще один в ожидании чистки был разложен на полу, а остальные три, грязные и облохматившиеся, были убраны с глаз долой и заперты в дальнем шкафу лично Симо Муттиком.

– Внутри чистил? – скучным голосом спросил Симо.

Ахмет прервал работу.

– Обызаесь, насыльник. За сто обызаесь Ахметку? Ахметка нисего не сделал.

– Не дури. – Симо не счел нужным менять тон. – Я тебя спрашиваю: внутри чистил?

– Чистил, – зло сказал Ахмет. – И снаружи, и внутри, даже дезодорантом spraysнул, если хотите знать. Еще духами могу полить, хорошие духи у Джулии. Полить? Ахметка мигом.

Паясничает, подумал Симо. Это хорошо, что паясничает, значит, еще не опустил руки, еще на что-то надеется. Хороший парень, цепкий.

– Вольфганг где?

Ахмет отложил щетку, пытливым взглядом оглядел убогое нутро вагончика, затем заглянул под стол и, не найдя там никого, перевернул скафандр и затряс им, очевидно ожидая, что уж оттуда-то непременно выпадет Вольфганг. Вольфганг не выпал.

– Ахметка не знает, насяльник.

– Бакалавр Усманов, – хмыкнул Муттик, – я вынужден призвать вас к порядку.

– Слушаюсь, насяльник.

– Заткнись, – сказал Симо. – И без тебя тошно. Имей совесть.

Ахмет посверкал глазами.

– Ладно, – сказал он и снова взялся за щетку. – Тошно так тошно. Нашли чем удивить.

А Вольфганг пошел на сельву посмотреть, прилива он, видите ли, боится.

– А ты не боишься?

– Я всего боюсь, – мрачно сказал Ахмет. – Только не прилива. В любом случае нужно эвакуироваться, приедет там ваш Чернов или не приедет. А приедет, так будет уносить ноги вместе с нами. Кстати, правду говорят, будто вы спасли ему жизнь на Капле?

– Глупости, – буркнул Муттик. – Кто это говорит? Это он меня спас, а не я его. На это-то вся надежда.

– А-а, – протянул Ахмет. – Понимаю. Этот ваш Чернов – не иначе как высоконравственный человек, купли-продажи не приемлет и любит человека за сделанное ему добро, а не наоборот, так, что ли?

– Замолкни, сделай милость.

– Ничего он не сделает, ваш Чернов.

Симо пожал плечами и протер ладонью окошко. Со вчерашнего дня горы отодвинулись вбок, будто кто-то сдвинул пленку в проекторе: во время толчка, разбудившего всех, вагончик с треском и скрежетом съехал метров на десять вниз по склону и, налетев на вросший в землю валун, застрял в наклонном положении. Могло быть и хуже, следовало только радоваться, что за толчком на сей раз не последовало камнепада. Обошлось. А могло бы не обойтись, особенно теперь, когда вкупе с ливнем первый же толчок способен родить хороший сель.

Симо с ненавистью посмотрел на господствующую вершину. Гора как гора, округлый и скучный на вид конус, подпорка для снежных гигантов хребта Турковского, и ничего более. Названия у конуса нет, снега нет, растительности нет, солидных камней по склонам и то что-то не видно, гнейсовая скала над южным разломом рухнула еще на прошлой неделе, и что, спрашивается, еще может с горы сыпаться? Однако сыплется, и еще как сыплется. Только вчера с восточной стороны сошел такой оползень, что, возьми он южнее, от станции осталось бы одно воспоминание. А передвинуть станцию еще ниже нельзя, там – сельва, а с ней не шутят. Вольфганг прав: если будет прилив, станцию захлестнет. Впрочем, прилив обычно бывает на третий день после первого ливня, время терпит. Симо повернул голову к Ахмету:

– Долго будешь копать?

Ахмет отложил вычищенный скафандр, взял другой.

– Для Чернова готово, – сказал он. – А вам блестеть ни к чему, по-моему. Пусть ваш Чернов блестит и радуется. И дезодоранта не дам, не надейтесь.

– Это почему? – спросил Симо.

– Рангом не вышли, – объяснил Ахмет. – Вот когда вы, а не Чернов будете определять стратегию в науке, тогда, так и быть, дам немного. В целях приспособления личного организма к доминирующим условиям. А кроме того, радиоактивному горизонту все равно, чем пахнет ваш скафандр, разве нет?

Симо усмехнулся:

– А если Чернов наденет не тот скафандр?

– Наденет то, что я дам, – заявил Ахмет. – И пусть попробует пикнуть. Вообще, рамки для начальства должны определять подчиненные.

– У тебя это хорошо получается, – сказал Симо, забавляясь. Разговор позволил отвлечься, и это было приятно.

– А если Чернов забыл о Капле, так я ему напомню, – сказал Ахмет.

Симо постучал согнутым пальцем по голове.

– Не вздумай.

– Ясно. – Ахмет вздохнул. – Я так понимаю, что меня это не касается. А кстати, что это за имя для планеты – Капля?

– Имя как имя, – неохотно сказал Муттик – и вдруг почувствовал зуд в спине, как раз там, где после Капли ему был вживлен изрядный клочок искусственной кожи. Чесотка возникала всякий раз при упоминании о Капле, должно быть, эту кожу берегли специально для какого-нибудь неврастеника. – Нормальное имя, – сказал он, стараясь не морщиться. – Чем тебе не нравится? Жидкая планета, есть такой космогонический феномен. Твердого ядра нет, потому – Капля. У нас там был исследовательский плот, пока Капля его не растворила.

– Как это растворила? – Ахмет вскинул глаза. – Как сахар, что ли?

– Не как сахар. Как плот. Молча. В один день.

– А люди?.. А, ну да, извините. Вы ведь там с Черновым вдвоем были?

– Вдвоем. – Зуд стал совсем невыносимым, и Симо, кряхтя, завернул руку за спину, поскреб. Стало легче.

– Меня там не было, – с завистью сказал Ахмет.

– И очень хорошо. Ты работай, работай.

– Я и работаю.

– Вот и не отвлекайся. Дочистишь скафандр – переходи к уборке помещения. Вольфганг поможет, скажешь ему, что я велел. Меня найдете в лаборатории. Если понадобится.

– Если от нее еще что-то осталось, – буркнул Ахмет.

– Если понадобится, – с расстановкой повторил Симо. – Что кому убирать, разберетесь сами. А при Чернове, будь любезен, сделай так, чтобы он твоего языка не слышал. И я тоже. Сиди молча и не высовывайся, иначе ты со мной больше не работаешь. Уяснил?

– Даже очень, – со злостью сказал Ахмет. – А энтузиазм на морде изображать?

– На морде – обязательно.

Ахмет с видимым наслаждением плюнул на забрало скафандра, размазал плевком ветoshью и, сверкнув глазами на начальство, потянулся к флакону с чистящей жидкостью. Симо отвернулся. Идти в лабораторию уже не хотелось. Он снова протер окошко и всмотрелся. Здание лаборатории было еще цело, только чуть покосилось набок, будто присело на одну ногу, и снаружи выглядело вполне благопристойно. Если не знать, что там внутри. «Не-ет, – решил Симо, – Чернова я туда не пушу». Сегодняшний толчок уже ничего не мог изменить к худшему. Строго говоря, лаборатория перестала существовать после особенно мощного толчка, случившегося четыре дня назад, – к счастью, погибло не самое ценное, только то, что Джулия не смогла отправить с последней оказией. Не так уж много, но Чернову и этого будет достаточно, чтобы подтвердить полученное еще месяц назад и пока что успешно саботируемое распоряжение о немедленной эвакуации станции и персонала. Пока еще не поздно. И нужно убедить его в том, что этого делать нельзя. Ни в коем случае.

Камнепады начались в начале лета.

Еще в мае, который в нынешнем високосном году растянулся на сорок три дня, горы временами вздрагивали от глубинных толчков, будто в сезон землетрясений; где-то очень высоко, с уреза аммиачных снегов, чаще обычного срывались лавины. Иногда, особенно ночами, был слышен приглушенный гул далеких обвалов, и грохот катящихся камней походил на сонное бормотанье не вовремя разбуженных гор. К концу месяца удары рушащихся скал стали слышны и днем, кто-то впервые заметил набрякшую желтую тучу над свежим обвалом по ту сторону ближайших уже вершин, а из Межзоны пришло первое распоряжение об эвакуации.

Поначалу Симо пытался спорить и к отсылаемым в Академию отчетам прилагал пространные объяснительные записки. Потом бросил. Прибывший на грузовой платформе уполномоченный – мерзкая рожа – увез часть оборудования и двоих сотрудников, пожелавших уехать. С Симо уполномоченный не разговаривал. Кричал. Остающиеся предупреждены о вероятном исходе? Предупреждены. Они согласны ждать до последнего? И вероятно, полагают, что это их личное дело? Они ошибаются, это дело Академии и администрации Международной Зоны. И если необходимо эвакуировать научную станцию с территории чужого государства по недвусмысленному требованию его правительства, это может быть сделано и силой...

Наверное, следовало наорать в ответ. При желании всегда можно переорать того, кто орет по обязанности. Ага, значит, силой? Силой, да? Оч-чень любопытно, знаете ли. Следовательно, Международная Зона уже имеет своих командос? Имеет? Я так и думал, что это не мое дело. И Зона, надо полагать, не задумается послать их на территорию суверенного государства? Так-таки всю роту инвалидов от чиновной науки, с геморроем и ловчими сетями для поимки Симо Муттика? Ну то-то, не суйтесь немывтым рылом в чужие исследования, в которых вы там ни бельмеса, а Симо Муттик вам не какой-нибудь дурак-энтузиаст и впредь мешать науку с политикой не намерен, хватит с него Капли, хлебнул досыта на пару с Черновым... Ну, что приутих-то? С Черновым, не с кем-нибудь. С ним и будешь иметь дело, если сей момент не уберешься отсюда к чертовой матери. Пшел!

Вот примерно так и надо с ними разговаривать. Симо улыбнулся, и его отражение в запотевающем оконце улыбнулось тоже. Да, это было бы сладко. И глупо: не Черновым единым жива Международная Зона, черт бы ее взял, и незачем дразнить красной тряпкой чиновную братию, она от этого звереет, а академическая в особенности. И потому – молчать, а если спорить, то недолго и всегда соглашаться, благодаря за ценные указания, долженствующие обеспечить взлет мировой науки, держать пиетет, а еще очень следить за глазами, глаза должны быть светлыми и выражать признательность за заботу, иначе ничего не выйдет. Конечно! Обеспечим! Само собой! Еще день, ну два на свертывание лаборатории – и распоряжение будет выполнено, мы же в своем уме... Соглашаться! И делать то, ради чего ты здесь, а не в Межзоне, где, положи руку на сердце, не в пример уютнее. И – сохранить станцию.

Так Симо и сделал.

Потом – перевести дух. Поднять глаза и встретить три взгляда: недоумевающий – Вольфганг, гневный, с презрением – Джулии и ехидный – не в меру проникательного Ахмета. Нужно еще выдержать эти взгляды, как кулачный боец держит удары, вышибающие воздух из диафрагмы. Вот кто энтузиасты, негнушиеся, вот кого ломают в первую очередь. А вы согнитесь! Только потом не забудьте распрямиться, а я помогу, если будет трудно. Ну, как? Не желаете? Нет, брезгует молодежь. Вот что я вам скажу: вы все очень хорошие ребята, но вы совершенно не умеете думать – не головой, как раз головой вы думать умеете, – а чем-то еще, спинным мозгом, что ли, а может быть, и трясущимися коленками, и поэтому вы проиграете. Потухнут ваши идеалы, так-то, и вспоминать о них вы будете с неловкостью и смешками. А может, не вспомните вовсе. Учитесь же! Учитесь у мудрого змея Симо Муттика, и пусть его шишки станут вам наглядным пособием, иначе к чему их столько накоплено? Опять не хотите? Жаль... Жаль, времени мало, вот что. Совсем нет времени.

Два дня мучились – тянули вездеходом вагончики, несли на руках хрупкое. Подальше от крутых склонов, поближе к Процессу. Вольфганг рассчитал: тоннель выйдет на поверхность не ближе километра от места Процесса. И не далее полутора. Двадцать шестого июня после особенно сильных толчков опять двигали станцию – к урезу сельвы. Успели вовремя: в ночь на двадцать девятое раскололась гнейсовая скала, катящиеся глыбы испахали южный склон, одна особенно крупная прошла рядом с жилым вагончиком, раздавила в лом антенну спутниковой связи и с треском ухнула в сельву. Тридцать третьего, после небольшой передышки, гора вздрогнула так, что вагончик подпрыгнул на полметра и в лаборатории не осталось ни

одной целой склянки. Тридцать четвертого были отмечены продолжительные нерегулярные толчки: тоннель спровоцировал-таки землетрясение. Километрах в пятидесяти к западу ожил безымянный вулкан, плюнул в небо серной тучей. Сегодня тридцать пятое, и уже был один толчок. Нужно ждать второго, а скоро будет последний. Чернов тоже это знает.

Пискнула входная дверь, вошел Вольфганг. Долго, по-медвежьи топтался, снимая бахилы, потом, сложивши свой рост вдвое, не торопясь, как положено, прошел фильтрующую завесу – оба слоя. Не торопясь, снял дыхательный фильтр, сунул в очиститель. Пахнуло дезинфекцией, и Вольфганг удовлетворенно хмыкнул. Весь он был громадный, ростом в полтора Ахмета, а весом в два, а медлительность у него не от комплекции, понял вдруг Симо, – а оттого, что очень уж старается парень не делать ошибок. Кой черт, все равно делает, разве что чуть реже, чем другие.

– Ну, что сельва?

– Просыпается. – Вольфганг сел.

– Знаю, что просыпается, – терпеливо сказал Муттик. – Твой прогноз?

– Завтра, – сказал Вольфганг. – Скорее всего, к вечеру. Или ночью.

– Станцию захлестнет? – спросил Симо. Он знал, что захлестнет, но в душе поселилась дурацкая надежда: а вдруг нет?

– Ясное дело, захлестнет, – вставил Ахмет.

– А я тебя не спрашиваю...

Вольфганг наморщился, задвигал бровями. Медлил, обдумывая.

– Захлестнет. Прилив будет мощным.

Симо кивнул. Ладно. Если все-таки придется эвакуироваться, прилив – дело десятое, а если станцию удастся отстоять – передвинемся выше.

– Там нас угробит, – опять влез Ахмет.

Дурак. Будто без него не ясно. Поставить соплка на место. Нет, пусть лучше это делает Джулия. Когда вернется. А мы ограничимся пристальным взглядом, долженствующим, как пишут, иметь воспитательное значение. Вот так. И достаточно.

– Там пришел Третий, – сказал Вольфганг. – У сельвы. Стоит и ждет вас.

Так. И этот хорош. До сих пор не понял, о чем нужно докладывать в первую очередь. Добросовестный, этого у него не отнимешь – но бизон...

– Как он сейчас выглядит? – спросил Симо.

– Тетраэдр, – Вольфганг показал руками, – вопросительная форма. Он хочет говорить.

– А ты что же?

– Он хочет говорить с вами.

Вот как. В другое время это было бы любопытно. Значит, уже и вариадонты научились разбираться в человеческой иерархии, подай им не кого-нибудь, а начальника станции, будто от него в самом деле многое зависит. И ведь догадались послать Третьего, а Джулия еще уверяет, будто им чужд практицизм... С нами же рядом жили, у нас учились. Третий самый упорный, не уйдет, пока не получит ответа, – а что ему можно ответить? Что мы все ему можем ответить? Симо почувствовал ужас. Но если вариадонт спрашивает – нужно отвечать. Никто не скажет почему. Просто нужно.

Не очень далеко из трясины бил грязевой гейзер, похоже, тот самый, что заработал еще с вечера и все никак не мог иссякнуть. А может быть, другой. Сельва дышала. Там, откуда она отступила при последнем выдохе, простиралась широкая полоса грязи, окаймляющая необозримую коричнево-зеленую стену зарослей. Стену осточертевшую. Стену, готовую к броску, колышущуюся, будто от ветра, хотя ветра не было и не могло быть ветра, способного заставить сельву колыхнуться – сельва не обращала внимания даже на ураганы, изредка достигавшие гор.

Она была безгранична. Она была равнодушна ко всему постороннему, как бывает равнодушно большое животное к судьбе насекомых, хрустящих у него под ногами.

Сельва дышала. Ошеломляющая вонь гниения перебивалась острыми запахами жизни, чужой, странной и страшной для всякого осмелившегося углубиться в топкие чащи или не успевшего уйти от прилива. Сельва шевелилась. Временами из темной глубины невероятно сплетенных ветвей по-змеиному выскальзывало гибкое корнешупальце ползучего тростника, тяжело плюхалось в жижу и, найдя незанятое место, мгновенно укоренялось, твердело и прорастало десятком жестких стеблей, очень похожих на земной тростник, если не знать их способности остановить вездеход, оплести его со всех сторон, играючи приподнять над топь, примериться и со вкусом разорвать, как большого твердого жука... Стена двигалась. Коричнево-зеленое тесто ползло вперед. Начинался новый вдох.

Это был еще не прилив, сельва лишь просыпалась. Ворочалась. Накапливала силы. Еще день-другой она будет дышать, с каждым часом все размашистее, потом замрет на недолгое время – и ринется вверх, по камням, по голым склонам, по мутной остекленевшей слизи, оставшейся с зимних приливов... А может быть, и по вагончикам биостанции, есть такая вероятность. На прилив лучше смотреть откуда повыше, например, с той стороны разлома, стоять на краю и снимать на пленку, как падают вниз и корчатся на дне ползучие гиганты и чуткие ветвистые плотоядные, а еще как сыплются вниз колоссальные одноклеточные, упакованные в мембрану, поросшую отравленными иглами, как шарахаются от них коричневые фитофаги с рудиментарным фотосинтезом и слепые, но стремительные в атаке болотные гады, разбуженные всколыхнувшейся топь, – да мало ли безмозглых и бессмысленных тварей создано природой в припадке избыточности и неизвестно зачем, а ведь каждая форма уникальна, каждую беречь надо. Так же, как и себя от нее. Но после отлива подбирай все, что осталось – раздолье: иногда сельва позволяет людям считать себя объектом изучения, могла бы ведь и не позволить... Вот и сейчас, выдирая бахилы из клейкой грязи, Симо привычно отметил незнакомый прежде вид фотосинтезирующей планарии и еще что-то мелкое, копошащееся в трясине и ничего путного не напоминающее. Животное. Пожалуй, новый отряд, а вернее всего, класс или даже тип. Поймать бы, подумал Симо, Джулии показать, самому покорпеть... Но он хорошо знал, что не станет этого делать, потому что совсем рядом, в десяти шагах от живой стены, в грязи, увязнув в ней основанием, стоял вариадонт.

Судя по всему, он стоял уже давно – должно быть, приполз сразу после толчка, еще до рассвета, и Симо проклял себя за то, что не рискнул выйти под ливень – ну пусть бы сбило с ног... Это действительно был Третий. Он ждал.

– Привет, – сказал Симо.

Тетраэдр задвигался: не то приглашал к разговору, не то просто устал быть тетраэдром. Нет, все-таки приглашал. Симо почувствовал покалыванье в висках, что-то теплое пришло и вдвинулось в мозг – вариадонт налаживал связь.

– Ты хоть из грязи-то вылез.

Третий скруглил углы, сплюснулся с боков. Симо моргнул. Теперь к нему, медленно раздвигая грязь, катилось огромное рубчатое колесо: не иначе, вариадонт где-то у границы подсматривал за армейским вездеходом. Очень похоже. Только к тем колесам грязь липла, а к этому – нет. На твердой почве колесо завалилось набок, подпрыгнуло, будто резиновое.

– Все шутишь, – сказал Симо. – Не до шуток ведь тебе, знаю. Тоже вроде нас, только что врать не умеете... Ты ведь спросить пришел, так я жду, спрашивай...

Он знал, о чем спросит Третий. Вариадонт, он же кучевик, он же нуклеод, каких только названий им ни выдумывали, а до сих пор ни одного годного, каждое каким-то боком равняет их со зверьем. Вариадонт. Зверь-де, меняющий форму тела по своему разумению. Оч-чень исчерпывающе, знаете ли. Креодонт. Мастодонт. Глиптодонт. Глипт.

– А человеком можешь?

Колесо без видимых усилий встало, точно в фильме, пущенном в обратную сторону, потянулось вверх, вырастая в колонну, и колонна выпустила из себя, как выстрелила, отростки-руки и шар головы, лопнула снизу, формируя ноги. Человек. Вот только лица у человека не было – вместо лица была гладкая черная поверхность, матово отсвечивающая, как кожа, как искусственная кожа, еще не бывшая в употреблении, – иллюзия для непосвященных. Настоящей кожи у вариадонтов нет и никогда не было. Зато был запах, резкий и специфический, и когда Третий шагнул вперед, запах прорвался сквозь дыхательный фильтр и ударил в нос, заглушая миазмы топи. Не запах – вонь, бежать от нее хочется. Это им повезло, подумал Симо. Неудивительно, что вариадонты не очень-то боятся сельвы – ну кто захочет пробовать на зуб существо с таким запахом? Разве что нарвутся на пограничный пост...

...Хруст ветвей, клацанье, писк брызнувшего сока или, вернее всего, крови. Долгий поросычий визг... Симо не повернул головы на хорошо знакомые звуки. В чаще происходило то, что и должно было происходить: один панцирный гад вскрывал другого. Урчал, пожирая. Природа... И вариадонты все еще по уши в этой природе, подумал Симо, никуда от нее не ушли, она же их и пожрет, как только найдется какая-нибудь тварь без обоняния. Вот Седьмого не видно уже которую неделю, да и Четвертый вчера был какой-то странный: подранили? Не нужно им в сельву лезть, совсем не нужно, да, как видно, придется...

А вопрос все нарастал, бился в черепной коробке, и было ему там тесно. Симо поднес ладони к вискам, зажмурился, привычно напряг и расслабил мышцы шеи. Он был готов к передаче. Он уже знал, что ответит. И знал, о чем попросит. Никогда бы раньше не подумал, что придется о чем-то просить вариадонта... Да, в лучшем случае придется туго. Если очень повезет, то будет туго. А в худшем случае – не будет Процесса, не будет вариадонтов, не будет Симо Муттика. Радиоактивного горизонта и то не будет, выскребут его мало-помалу, а вот тут, например, вот на этом самом месте, где мы с тобой, Третий, стоим, возведут горнообогачительный комбинат, и потекут от него составы на ту сторону, в Северный Редут. А вон там будет огромный карьер, здесь у нас под ногами такое лежит... Ты знаешь, что такое карьер? Сейчас я его представлю – вид сверху, – и ты поймешь... Теперь понял? Здесь будут люди, много людей, они и сельву заставят отодвинуться, насколько смогут. Но прежде будет последний взрыв, и тоннель выйдет наружу. Будет, наверное, радиоактивное облако, но это совсем не та радиоактивность, что у вашего горизонта, и вам от нее лучше держаться подальше. А может быть, в вас станут стрелять. Объяснить тебе, что такое – стрелять?..

Вариадонт стоял неподвижно. Он ждал. Он привык ждать. Сначала, еще в Процессе, как только начал сознавать себя, он ждал очередного глипта. Потом ждал, когда выйдут из Процесса Четвертый, Пятый... Восьмой. Потом стоял в грязи и ждал, когда же к нему наконец соизволит выйти Симо Муттик. Теперь он ждал, когда же этот бестолковый человек закончит свой бестолковый рассказ о других бестолковых людях, грызущих тоннели под горными хребтами – зачем? Должно быть, в свое удовольствие... Ничего он не поймет, с тоской подумал Симо, самому бы понять...

– Я понял. – Голос был негромкий, но явственный. – Продолжай.

Симо вздрогнул. Вот это да! – значит, они умеют и разговаривать... Интересно, чем? А как мы их учили, как старательно выговаривали слоги, пока не поняли, что телепатировать им и проще, и удобнее... И какие же мы кретины, если не уяснили до сих пор, что в вариадонтах куда больше непознанного, чем во всей сельве! А голос... Господи, да это же мой голос! То-то слышу – знакомое. Дрянь у меня, а не голос, блею, как старый козел, слушать не хочется. Но Чернов!.. Если он и после этого не захочет поверить, что перед ним разумная форма жизни, тогда он сволочь и остальным под стать. Пусть увидит Процесс, вот что. Глипт нужен...

– Мне нужен глипт, – сказал он вслух.

– Мало, – глухо возразил Третий. – Трудно найти.

Он уже пятился к придвинувшейся вплотную чаше – черный, неестественно прямой, – уже уходил, как всегда, неожиданно, легко вынимая из топи ноги, к которым не липла грязь, а ступней на ногах не было... Нужен глипт... Глиптов мало. Еще бы не мало, коли в последнюю войну их выбили на девять десятых: принимали, видите ли, за танки. Это в сельве-то – танки!..

– Ты слышишь! – закричал в чашу Симо. – Мне нужен глипт! Сегодня! Чернову!.. Я знаю, что их мало, но мне очень нужен хороший глипт...

Он попятился. Коричнево-зеленая стена наступала, нависала над ним, как океанская волна, тянула хищные ветви. Где-то там, в зловонной трясине, пискнуло под ногой Третьего какое-то растение. И все смолкло.

2

С самого утра полковник Нуньес чувствовал себя неважно. Во-первых, полковника мучил кашель, неизбежный спутник сезона муссонов, – и не дал-таки уснуть ночью, несмотря на таблетки и дилетантскую попытку самогипноза; во-вторых, на краю стола лежал далекий от завершения полугодовой отчет, о котором командующий округом напоминал не далее как вчера, и это было непонятно, а непонятного Нуньес не любил. Да еще этот больной... Полковник озабоченно потер подбородок. Больной – это скверно. И непонятно, как беднягу угораздило подхватить – не в сельву же ходил... Как назло: который год все тихо, и вот на тебе – пятнистая горячка, да еще с такой анемией, что хоть прямо в учебник. Жаль солдата – толковый, случайно сюда попал, – но тут уже ничего не поделаешь. Выраженные симптомы, и даже не поймешь сразу, плохо это или хорошо, что они сразу заметны? Наверное, плохо, коли врач кинулся бежать, едва увидев больного, и назад в лазарет светило медицины пришлось волочить силой и при непосредственном участии начальства в лице самого Нуньеса. Врач впал в истерику и только визжал и плевался, когда Нуньес орал ему в самое лицо, в бешеные глаза: «Твоя работа? Твоя работа, я спрашиваю!..» Толку не было.

О гарнизонном враче Нуньес не мог думать без тихой ярости. В военное время мерзавца следовало бы расстрелять перед строем, без суда и незамедлительно. Неужели же знал, подлец, что сыворотка скисла? Наверняка знал, брезгливо подумал Нуньес. Вор не вор, а разгильдяй и трус первейший. Заплевал весь лазарет. Не на пол наплевал, скотина полупштатская, – на службу. В карцере в потолок он давно не плевал, это точно.

Полковник промокнул лоб носовым платком и расстегнул китель. Утро выдалось жарким, кондиционер уже не справлялся. Днем будет еще хуже, если только не разразится ливень, а к вечеру станет уже совсем невыносимо, но за вечером придет ночь, и тогда, может быть, удастся уснуть. Если позволит кашель. И если сегодня за ворохом мелких дел найдется время закончить отчет. Ну, пусть не закончить, пусть только выделить главные моменты. Хотя бы в черновом варианте.

Он дотянулся до клавиши интеркома.

– Дежурный... Кхе!.. – И приступ кашля разразился, как всегда, совершенно неожиданно.

– Дежурный слушает. Доброе утро, господин полковник.

– Доброе, – соврал Нуньес, вытирая глаза. – Я еще когда заказывал документы из архива. Где?

– Они на вашем столе, господин полковник.

Нуньес скосил глаза на стол – действительно, все три пластиковых листка на месте. Надо же, не заметил. Глупо и, пожалуй, обидно. Лишний повод к сочинению очередной байки для любителей устного словотрепа. Впрочем, сегодня дежурит хороший малый, этот не позволит себе лишнего, разве что отметит про себя, что хрыч Нуньес успешно переходит в новое качество: в хрычи старые, заслуженные. И это, надо признать, соответствует действительности. В линейной пехоте стариков не держат. А если тебе шестьдесят два, то о пехоте забудь и радуйся,

что командуешь хотя бы пограничным участком, без перспектив повышения по службе и по уши в сельве. Унизительно, если знать, что сельва охраняет границу лучше любых постов, сколько бы их ни было, – а кто же этого не знает? Начальство, во всяком случае, знает. Но и в отставку пока не гонит. Это главное.

О значении слова «синекура» Нуньес лишь догадывался. Судя по конкретным признакам, его предшественникам это понятие было знакомо во всех приятных подробностях. Участок оказался из рук вон, оторви и выброси, что же касается личного состава, то он, подобно всякой изолированной системе, уверенно стремился к нулевой энергии и вполне в этом преуспел. Нуньес впрягся в службу как вол и о начальном периоде командования участком отзывался кратко: чистил нужник. Для дам он на всякий случай держал в памяти «авгиевы конюшни», однако дам на участке не было, а тех существ последнего разбора, что поначалу были, язык не поворачивался назвать дамами, и Нуньес с особенным удовольствием вышвырнул их с заставы при первой возможности. В него стреляли: кто-то, пожелавший остаться неизвестным, пустил в полковника две пули – обе мимо. Нуньес не стал выяснять, кто это сделал. Он знал, что, когда хотят убить, – убивают. Вместо этого он добился замены большей части младших офицеров и сержантов – как ни странно, это удалось – и в конце концов смог констатировать некий минимум порядка, который и старался поддерживать, не особенно рассчитывая на большее. На него писали кляузы, всегда остававшиеся без последствий. Раз в полгода он сам писал отчет «о положении дел» с грифом: «Секретно. Лично» – по обязанности и без энтузиазма, ибо хорошо знал, что насчет секретности еще так-сяк, а что касается «лично», то вряд ли командующий лично вникает в каждый документ подобного рода, и правильно. Он был забыт, это кололо самолюбие, но пока устраивало. И вот – начальство вспомнило, что есть еще такой Нуньес, и, вместо того чтобы попросту гнать вон со службы, торопит с очередным отчетом. Почему? Об этом полковник еще успеет подумать, но сперва нужно разгрести текучку.

– Дежурный! Вы слышите меня?

– Еще что-нибудь, господин полковник?

«Еще что-нибудь!..» Наглец. Тон как у официанта. Наказать? Нет, пока рано. В линейную бы пехоту его, суток на трое в сельву с полной выкладкой, да чтобы без жратвы... Сдохнет ведь. Молодежь, одно слово.

– Еще вот что, – хмуро сказал Нуньес. – Сегодня же эвакуируйте больного. Да, вы. Вертолетом. Займитесь этим немедленно. Что? Это как понимать: «Если позволит погода»? Пусть позволит. Запомните себе на будущее: плохая погода бывает только для разгильдяев. Вот и хорошо, что вы поняли. Далее. С больным полетят двое сопровождающих, выберите их сами из резервной смены. Еще полетит врач. А меня не интересует, захочет он или не захочет. И не интересует его невменяемость. Тогда так: еще двое сопровождающих полетят с врачом. Пусть получит в медицинском управлении новую партию вакцины, вы поможете ему составить заявку, если он забыл, как это делается. Кхм... Кха! Кашель, черт... Вакцина сегодня же должна быть здесь. Сегодня же. И врач тоже. Нет, не «пусть он катится к чертовой матери», а пусть сегодня же проведет повторную вакцинацию всего личного состава. Да. Я сказал: всего личного состава. Полностью. Ответственный – вы лично. Это все.

Полковник снова закашлялся и, прочистив горло, сплюнул в носовой платок. Вот гадость. А ведь после прививки станет еще хуже. Люди будут недовольны, и трудно их за это осуждать. Но аверс аверсом, а с реверса отчетливо маячит пятнистая горячка – та еще хвороба, верный и мучительный конец. Вакцина спасает от пятнистой горячки, зато делает человека крайне восприимчивым к обычным простудам, это бы еще ничего в сухое время года, но теперь пошел муссон, и значит, уже завтра личный состав будет едва волочить ноги. Вакцина – дерьмо... И жара. Страшно подумать, что будет там, снаружи, когда солнце взберется повыше. Особенно завтра, после прививки. По-видимому, единственной работоспособной единицей на всем участке останется полковник, строчащий полугодовой отчет. Трогательная картина.

Он подошел к окну, скосил глаза вниз. Оттуда, с прямоугольной площадки, отвоеванной у сельвы под плац, забетонированной и расчерченной в соответствии с назначением, поднимались торопливые дрожащие испарения. В тени старой башни, реликта эпохи Второго Нашествия, ныне увенчанной крутящейся антенной станции дальнего обнаружения, досыхали последние, самые стойкие лужи. Двое солдат с натугой катили через плац гигантскую кабельную катушку, их движения были плавны, как в замедленном кино. «Мухи дохлые», – определил Нуньес. В катушке было куда больше жизни, чем в солдатах, она проявляла нор и стремилась покатиться в направлении, солдатами не предусмотренном. Полковник отогнал мысль о том, что было бы с ним самим, вздумай он спуститься вниз. И здесь-то не продохнуть... Скверный сезон. Муссонные ливни все похожи один на другой. И еще они похожи на конец света. Но сельве того и надо.

И вот пожалуйста! – на плацу опять свежая трещина. Спрашивается: откуда? Вчера ее здесь не было, это точно. Не иначе, опять из земли лезет какая-то дрянь, ей двухметровый бетон вроде скорлупы для любителей яиц всмятку. Санобработка? Да, и чем скорее, тем лучше. Полковник поморщился. Излучатели выжгут всякую жизнь на пятьдесят метров вглубь, но, конечно, лишь на время. В муссонный сезон эту процедуру необходимо повторять как минимум раз в неделю. Плохо то, что излучатели портят плац: бетон крошится, рассыпается в неприятную вонючую пыль, и плац потом выглядит как обгаженный. Не дай бог, командующий округом затеет инспекционную поездку – сгореть от стыда полковнику Нуньесу.

Сельва, кругом сельва, до горизонта во все стороны, кроме севера – там она только до гор. Сельва бессмертна. У нее тысячи способов расправиться с человеком, и поэтому углубиться в нее хотя бы на пять шагов способен лишь самоубийца или буйнопомешанный, каких здесь, слава Лиге, пока еще не держат. Каждому доводилось видеть, как легко и вместе с тем мощно движется, нависая над чащей, шагающий баньян и отвратительное месиво словно бы раздвигается, угадывая, где он ступит, и давая ему ступить. Несуразный глипт в шишкастой броне ползет напрямик, с треском валит подгнившие деревья, оставляя за собой развороченную просеку. Там, где он прошел, могла бы получиться хорошая вездеходная трасса – только сельва не даст. Для этого в ней слишком много жизни.

Можно каждый месяц выжигать вдоль границы контрольную полосу. Если хорошо выжечь и если на ней не укоренится баньян, ее действительно хватит на месяц. Потом – снова, и так без конца. Жечь, травить дефолиантами, выметать излучателями все живое – в золу и пепел. Надолго ли? Сельва упорна от рождения, гораздо упорнее людей. На соседних участках контрольной полосы давно уже не существует, линия границы условна, как мнимое число, и на это обстоятельство не устают выжидательно намекать подчиненные. Дьявольский соблазн. Люди не понимают, что они охраняют и от кого. По эту сторону хребта Северный Редут формально владеет куском территории, до которого еще ни у кого не дошли руки – потому и владеет. Между прочим – потенциальный противник, несмотря на то что уже лет двадцать как полноправный член Содружества и плюс к тому формальный доминион Земной федерации. Но их людей здесь нет, если не считать каких-то биологов в предгорьях, да и те не северяне, а из Межзоны, как-то их там терпят. Больше никого. У полковника Нуньеса нет коллеги по ту сторону границы. Это плохо. Такая служба оскорбляет командный состав и разлагает подчиненных. У них есть задачи, текущие и на перспективу, но нет цели, придающей службе значимость и видимый смысл. Людей трудно винить, но необходимо. Подчиненные не понимают, за спиной полковника делают неприличные жесты, сочиняют похабные анекдоты и думают, что одереvenевший на службе Нуньес ничего не видит. Один из этих сочинителей пустил в него две пули. Его пытались напугать – что ж, на службе случается всякое. И тем не менее полковник не считает своих людей сбродом. Просто они не могут дать ответ на мучительный вопрос: з а ч е м? Нет ответа. И, наверно, не будет, и не надо его искать, ответ этот. Служить надо.

Он переждал приступ кашля и вернулся к столу. Сначала дело, нытья на сегодня уже хватит. Отчет – тоже дело, и дело первейшей важности, когда отчетом интересуется лично командующий. И он не скрыл того, что интересуется потому, что заинтересовались в высших сферах, похоже, даже в генштабе. Непонятно, зачем им? Совсем темный лес, вроде здешней сельвы. Что они там хотят выудить из этого отчета? Уж наверное, не то, что гарнизонный врач скотина, не исполняющая прямых обязанностей. Тогда что?

Дана подсказка: случай с нарушением воздушной границы, очень неприятный случай. Нуньес не любил о нем вспоминать. В свое время и начальство о нем не вспоминало, то есть настолько, что вообще не отреагировало, хотя, по убеждению полковника, отреагировать следовало бы, и самым крутым образом. Случай был скандальным, до сих пор сидел как заноза, и хотя обошлось без видимых последствий, но дураку было ясно, что об этом еще вспомнят... Вспомнили – но странно. Об отставке ни слова. Само собой очевидно: ждут не оправданий и, вероятно, даже не анализа бездарных действий дежурной смены, не говоря уже о предложениях по совершенствованию порядка боевых дежурств. Ждут чего-то иного, а если подумать, то все это очень похоже на тотальный сбор информации, настолько систематизированный, что задействованы все каналы сбора, даже самые гиблые... Знать бы еще: какой информации? И на кого?

Полковник недовольно посмотрел на тощую пачку исписанных листков. Отчет называется... Нет, строго говоря, нормальный отчет «о положении дел на вверенном...», ну и так далее, по стандарту. Даже против обыкновения позволил себе кое-какие предложения касательно «совершенствования порядка»... Нуньес поморщился. Дельные, между прочим, предложения, а придется все же убрать, чтобы у высших сфер не застревал глаз на том, на что они заведомо не обратят внимания.

Итак. Нуньес перетасовал три полученных из архива листка и выбрал наугад. Короткий текст оказался рапортом давно уже сплавленного отсюда солдата, и с первого взгляда было видно, что документ составлен не по форме.

«По тре. плк. Нониуса от младшего оператора радарной службы рядового Ф.Р.Мбеле. Доклад...»

Полковник механически исправил Нониуса на Нуньеса, зачеркнул слово «Доклад» и вписал: «Рапорт». Дальнейшее он решил не править. В официальном интересанскрите рядовой Мбеле путался, как водолаз в водорослях, но пиджин-санскритом владел и писал на нем следующее:

«...В соотв. с росписью дежурств 8 июня 91 г. Лиги около в 11 ч. 29 м. едного времени мною был замечен движение летательного объекта в напране приблига к гран. В наиточном соответствии с инструкцией (номер инструкции) я произвел немедля вложение всех параметр полета предположной цели в следячий контур и доложил. Все без исключ. указания которого дежурного офицера четкоточно сполнял вдальнейшем. Случаем пользуюсь докласть факт о том, что жидкость для протира экранов операторам не дают почему не знаю, которые потому упыляются и не обеспечивают надлежного слежения. Рядовой Филипп Реджинальд Мбеле». Резолюция – прочерк. Дата.

Вот так, подумал Нуньес и хмыкнул. Себя – полным именем, а полковник у него Нониус. Болвану лучше быть скромным, пыжащийся болван слишком похож на сувенир: дорого стоит и ни на что не годится. И правильно, что нет резолюции. Какие тут могут быть резолюции? Отчитать дурака в устной форме, заставить вы зубрить инструкцию, чтобы впредь знал, что делать в первую очередь при обнаружении цели. Обругать за жаргон в официальном документе. Жидкости для протирки экранов не давать: не хватало еще пищевых отравлений, – а вместо этого назначить рядового Филиппа Реджинальда, как его там, на три внеочередных дежурства. Кажется, так и было сделано.

Полковник вздохнул, отложил листок на край стола и перешел к следующему. Второй документ был рапортом дежурного офицера лейтенанта Риттера из той же злосчастной смены. Первые строки Нуньес пробежал вползгляда. «Объект-нарушитель был замечен над южным склоном хребта Турковского уже в непосредственной близости от границы...» Так. Параметры полета на момент обнаружения... азимут... угол места... скорость полета... Ого! Далее: относительная высота... Так. Снижение. Маневр. Первый вывод: «Нарушитель осуществил пологое пикирование с одновременным глубоким разворотом вправо и через 20 секунд после вторжения вторично пересек линию границы и покинул охраняемое воздушное пространство, двигаясь на малой высоте в направлении азимута 310 градусов. Исходя из параметров полета, а также вариаций эффективной отражающей поверхности, можно утверждать, что нарушителем являлся боевой одноместный флайдарт класса «джокер» типа «Е» или более поздних модификаций...»

Так. Нуньес пробежал еще несколько строк и устроился в кресле поудобнее. Дальнейшее он помнил очень хорошо, но все же следовало вчитаться еще раз.

«...Таким образом, по вине дежурного оператора рядового Мбеле боевая тревога была объявлена с опозданием на 30–35 секунд. За это время нарушитель успел вторгнуться в охраняемое воздушное пространство и начал разворот, очевидно намереваясь в возможно более короткий срок выйти за пределы зоны поражения. Поднятое по тревоге зенитно-ракетное подразделение обеспечило готовность к пуску ракет в соответствии с установленной нормой времени, однако к этому моменту нарушитель находился уже в воздушном пространстве Северного Редута, удаляясь в глубь его территории на крайне малой высоте, и через 70 секунд после вторичного пересечения границы радарный контакт с объектом-нарушителем был потерян. В связи с этим обстоятельством мною была дана команда отбоя боевой тревоги...»

Нуньес заерзал в кресле. Вот в чем была главная ошибка Риттера, а вовсе не в том, что перед экраном у него сидел дурак. И даже не в том, что Риттер в горячке не успел сложить два и два, а потому не вспомнил, что «джокер Е» в силу своих исключительных летных качеств способен уйти от атаки зенитными ракетами и надо было задействовать лазерный пост... Самое печальное для Риттера случилось минуты через две после отбоя тревоги, когда локационщики искали, кто виноват, а зенитчики, скучно ругая Нуньеса – а кого же им еще ругать, – зачехляли свои ракеты. В это самое время флайдарт-нарушитель снова пересек границу и неся на сверхмалой высоте, практически повторяя свою первоначальную траекторию. Суэта боевой тревоги повторилась во всех подробностях и с тем же успехом. Что-либо предпринимать было поздно. Нарушитель преспокойно удалился в сторону южных владений Редута, сразу после пересечения границы сделал горку метров на восемьсот, и дальнейшая траектория его полета была классифицирована как посадочная глиссада.

Нуньес даже застонал от досады: вот тут бы Риттеру и сбить нарушителя – на горке! Пусть даже над чужой территорией – полковник Армандо Нуньес сумел бы отстоять своего подчиненного. А так – пришлось наказывать. Риттер мог бы и сообразить, а по должности просто обязан был догадаться, что нарушитель обязательно пойдет на второй круг – иначе где ему там сесть? В сельву? На горы? Уже на первом заходе можно было понять, что нарушителя из Редута интересует своя территория. Свой собственный пятачок, на который еще надо сесть. Ну ладно, флайдарту высокого класса не нужна необъятная посадочная полоса, но при всем том он не вертолет и не летающая платформа, чтобы садиться на любую ровную лысину. Он просто выжег себе посадочную полосу где-нибудь на краю сельвы, а чтобы сесть, ему нужен был второй заход. С его радиусом разворота он непременно должен был еще раз войти в охраняемую зону и еще раз подставить себя под вероятный удар. Вернее – под маловероятный, учитывая полную деморализованность Риттера. Умно. Отлично спланированная акция, со здоровенной дозой разумного нахальства. И время выбрано удачно: за несколько недель до летнего муссона, иначе торчать бы тому флайдарту в болоте по самый стабилизатор...

К концу рапорта Риттер не удержался и съехал на оправдания и объективные обстоятельства, что в глазах Нуньеса выглядело совсем уже неприлично. Хлюпик, щенок скулящий... Резолюция: «Аргументы неубедительны. Лейтенанта Риттера предупредить о неполном соответствии. Капитану Нильсену принять необходимые меры к обеспечению надлежащей боевой подготовки вверенного ему подразделения. Нуньес».

Спускал на тормозах. А что еще было делать?

Полковник опять вздохнул. Последний документ он читать не собирался: помнил наизусть. Это был рапорт самого Нуньеса, обращенный к командующему округом. Не рапорт – крик души, черт знает что. Хорошо, не подал сгоряча в отставку, а ведь мог бы... Две недели спустя, когда о нарушителе уже и думать забыли, тот самый флайдарт – а откуда там взяться другому? – вновь вынырнул из южных земель Редута, легко, у всех на виду пронесся на взлетном форсаже чуть ли не над самой заставой и в считанные секунды скрылся за хребтом Турковского. Как назло, лазерный пост погряз в регламентных работах, а от ракет, впопыхах пущенных вдогон, нарушитель, конечно же, ушел в какое-нибудь ущелье. Ясно же, пилот высочайшего класса, таких один на две-три сотни. Он и в эту сторону летел ущельями, иначе быть бы ему обнаруженным за триста километров, гореть бы ему дымным огнем сразу после пересечения границы... Мастер. И опять-таки налицо все приметы тщательно спланированной и подготовленной операции. Не говоря уже о тщательности исполнения.

А виноват Нуньес. Виноват, потому что не задумался над простым вопросом: а что он делал, этот пилот, по южную сторону хребта? Где он жил эти две недели, не вопрос – у биологов он жил, – а вот чем он там занимался? Именно пилот, не кто-нибудь: в «джокер Е» два человека не поместятся физически. Учил биологов пилотажу?

Транспортная операция, вот что это такое. С целью доставить специалиста в интересующее кого-то место, не привлекая излишнего внимания ни к месту, ни к специалисту, потому и замаскированная под нахальный разведполет. Ясно, отчего выбран флайдарт: никакая летающая платформа не в состоянии перевалить через хребет, кишка тонка, а что касается космических средств, то у Редута всего один корабль, да и тот грузовой мастодонт, там ему не сесть. Правда, и «джокер Е» с навесным ускорителем способен выходить в ближний космос, но на посадке сделает такой круг, что будет испепелен над чужой территорией задолго до вхождения в тропосферу. Неудачные задворки у северян, прямо скажем...

Тихонько дзенькнули стекла. Задражал письменный стол, пополз по нему рапорт рядового Мбеле. Дурнота накатила было, но отхлынула. Какого черта...

– Кха!... Хгм. Дежурный, вы что-нибудь почувствовали?

– Толчок, господин полковник. Уже второй за сегодняшний день.

Да, верно. Откуда они взялись, эти каждодневные толчки? Не было же раньше. Ну ладно, это мы потом, а сейчас не худо бы выяснить насчет того пилота, лучше поздно, чем слишком поздно. А что? Заказать полную информацию о пилотах высокого класса, затребованных Редутом за последние три-пять лет, и в особенности об их смежных специальностях... Допуска нет, не дадут. Еще доложат: суется старый пень не в свое дело, подозрительно... Разве что через Пикара? Круто он пошел в гору с тех пор, как я его вытащил, а сам небось думает, что выплыл без помощи Нуньеса, и в свои тридцать семь уже полковник службы информации с хорошими связями. Прыткий, как всякая сволочь. Что ж, напомнить не помешает, хотя, конечно, риск... Да что там риск, противно это, как ногой в дерьмо... а придется. Лучше ногой, чем мордой, тут и думать нечего. Как-нибудь оботремся.

– Дежурный! Соедините-ка меня с полковником Пикаром...

3

– Ого, – взгляд Чернова прилип к шкале индикатора, вшитого в рукав скафандра, – тридцать рентген в час. Здесь всегда так?

– Не всегда, – сказал Муттик. – Иногда больше. Скафандры держат. Ты смотри, смотри, как они его...

Глипт был еще жив. С полдесятка ложнокрылов уже обсели его, как москиты, завязнув бивнями в спинной броне. Остальные пока кружили высоко: были еще сыты позавчерашним зверем, оказавшимся на редкость упитанной тушей. Некоторые вообще не покинули верхушки скалы – торчали черными изваяниями, абсолютно неподвижные, и издали напоминали обыкновенных птиц с не в меру развитым клювом – вроде марабу. Не спешили. Глипт крутился на месте, как тяжелый танк с перебитой гусеницей, взрывал и явно не понимал, что с ним происходит. Он был стар. Он хотел жить, он и приполз, чтобы жить, – сюда, где растения-карлики, подступившие к осыпи, вырастают гигантами, а гиганты бессильно стелются по земле, он тащил свое тело прочь от пограничных постов, унося неразорвавшуюся противотанковую ракету, ушедшую в бок по самое сопло. Пожалуй, он еще мог бы спастись, повернув назад, но Симо знал, что глипт не повернет. Не догадается, тупорылый, не сообразит костным мозгом – а другого у него нет – и потому обречен стать частью Процесса, сырьем Процесса, углем в разгоревшейся топке. Третий – молодец, не подвел, зверь что надо. Больной, конечно, но ведь здоровый к радиоактивному горизонту не полезет. Вылечат его здесь, сей момент... Не зацепили бы ракету, вот что. Все-таки уму непостижимо, какая медленная тупость, какая косная животная сила толкает Процесс, выбрала Природа тех, кого не жалко. И ложнокрылы тоже тупы на редкость, летающие бронепойные тараны, что с них возьмешь – сыты они, видите ли, жрать не хотят. Чернов уже устал стоять, уже глядит понимающе, готовый принять извинения, – ничего, мол, в другой раз... «Ну давайте же! – мысленно взмолился Симо. – Ну, вниз, вниз... Все вместе! Хорошенько его!...»

Есть! Незабываемое зрелище, когда пикирует вся стая – словно россыпь управляемых бомб. Бивни вниз, отброшенные за ненадобностью крылья – кружащиеся лепестки, подхваченные ветром. Новые отрастут уже на земле, в считанные секунды. Ложнокрылы развивают в падении невероятную скорость; забавно смотреть, как они перестраиваются в воздухе, стараясь не помешать друг другу... Тук! Тук-тук! Тук-тук-тук-тук!.. Звук пулеметной очереди. Крррр... Так его!

Спина глипта лопнула в десяти местах разом. Брызнули фонтанчики синеватой жидкости. Глипт замычал, долго, мучительно... Он еще боролся, еще дышал... все слабее, слабее...

– Хм, – сказал Чернов. – Ты мне хотел показать именно это?

– И это тоже. Но самое интересное будет потом, когда съедят. Они быстро.

– А мы для них, случайно, не съедобны? – попробовал пошутить Чернов. На агонизирующего глипта он старался не смотреть.

– Ты натурализован? – спросил Симо.

– Дурацкий вопрос, извини. Да, конечно.

– Значит, съедобен. Но ты не беспокойся, нас они не тронут.

Глипт содрогнулся в последний раз и упал на брюхо. Сверху в него уже вгрызлись, когтистые лапы выдирали прочь обломки спинных щитков.

– А почему, собственно, они нас не тронут?

– Глупые...

Маленький ложнокрыл с обломанным бивнем прыгал возле самых ног, видимо, не решаясь приблизиться к туше. Квохтал что-то.

– Иди, иди, дурачок, – ласково сказал Симо, – туда иди, там всем хватит... Старый знакомый, – объяснил он Чернову. – Вздумал однажды спикировать на вездеход, сломал бивень. Он теперь пария, Джулия его подкармливает.

– Может быть, ты его отгонишь? – сказал Чернов. – Дрянь какая...

– Сам ты дрянь, – весело фыркнул Симо. – Гидролух ты, Борька, а не гидролог, красоты не понимаешь. Ладно, ладно, отгону, не мучься... Пшел! Пшел, дурачок! Фьють!..

Ложнокрыл запрыгал прочь – у туши глипта зачем-то сбросил крылья и мелко-мелко затряс головой – явно канючил. Глипт уже не был глиптом. Он был сочащейся пищей, огромным мясным складом, отданным на разграбление, вскипающей муравьиной кучей, потревоженной упавшей веточкой. Куча заметно оседала.

– Жрут, – сказал Чернов и прищелкнул пальцами. – Ты прав, на пленке это выглядит не столь гомерически. Но я думал, они умеют быстрее.

– Торопишься? – спросил Симо.

Чернов промолчал. Только переступил с ноги на ногу.

– Значит, торопишься...

Глипт исчез. Последним взлетел ложнокрыл с обломанным бивнем, тяжело покружился в небе, опробуя новые крылья, и наконец угнезвился. На него квакнули, и он попятился к краю скалы. И почти сразу же из сельвы вышли вариадонты.

– Конвой, – объяснил Симо. Он всматривался, угадывая. Так... Четвертый, Первый и, естественно, Восьмой. А вон тот, кажется, Пятый. Свита более чем пышная – в честь Чернова. Но Третьего почему-то нет. Интересно, где Третий?

– Ну вот, смотри, как это бывает...

Останки глипта неторопливо шевелились. Удивительно мало оставляют после себя ложнокрылы: щитки панциря, кости, часть системы выделения и еще одно... Знать бы: зачем глипту этот орган? Туман. Мертвый зверь ничего не дал, а с живым глиптом в лаборатории не поэкспериментируешь, скорее он сам поэкспериментирует с лабораторией. Пока что по умозрительным построениям получается, что речь идет о древнем рудименте со странными свойствами, вроде способности к самостоятельному передвижению. Гм... когда не знают, как вписать работу непонятого органа в расхожие представления о метаболизме, обыкновенно списывают на рудиментарность. Одно ясно: не мозг. «Суборганизм икс»... Джулии это название почему-то не нравится, а Ахмет и вовсе позволил себе охарактеризовать уровень фантазии, доступный начальнику биостанции. Вольфганг, правда, промолчал. Он молодец.

Черный блестящий комок размером с голову человека, ритмично сокращаясь, полз точно к Восьмому. Пока все шло как обычно, Симо видел эту картину двадцать раз воочию и сотни – в записи. Теперь, притемнив забрало скафандра, он исподволь наблюдал за Черновым. Ничего... Ну, то есть, совсем ничего, никакой реакции. Можно подумать, что Чернову неинтересно. Стоит себе человек, смотрит на Процесс как на пустое место, как на осточертевший пейзаж в окне, но пейзажа не видит, а мучительно размышляет: куда же он, черт побери, подевал свои тапочки... А может быть, хоть на Чернова и не похоже, просто вспоминает последний толчок, содрогается внутренне, что вполне естественно, и думает о том, как бы поделикатнее унести отсюда ноги. Обидно.

Восьмой двинулся навстречу комку. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, как два притягиваемых друг к другу магнита, и наконец последний стремительный рывок... Чмок! Удивительно сочный звук соприкосновения. Черного комка не стало, и Восьмой замер. Теперь он стал немножко больше.

– Это – все? – спросил Чернов.

– Все, – разочарованно ответил Симо. – Прирос. Это шестнадцатый по счету, а всего нужно девятнадцать. Теперь он поползет на осыпь и будет часа два заряжаться, да и остальные

тоже, так что мы можем идти. Когда они едят, с ними без толку разговаривать – не ответят. Или, может быть, подождем?

– Ну-у... – с сомнением протянул Чернов, – вряд ли это интересно. И потом, я читал твои отчеты. Ты мне вот что скажи: ты всерьез полагаешь, что они разумны?

Ну вот, мрачно подумал Муттик. Опять начинается, в который уже раз. И кто – Борька Чернов!

– Ты же читал мои отчеты...

– Мало ли, что я читал.

– Они немножко больше, чем разумны, – сказал Симо, сдерживаясь. – Они мудры. Мудры, как дети, если это не смешно звучит. В сущности, они и есть дети. Редкие, гениальные дети, феноменальные младенцы. Ты видел рождение, поздравляю.

– Это не похоже на рождение, – сказал Чернов. – Это похоже на басню с моралью. Чтобы стать мудрым, необходимо, чтобы тебя съели. И даже не один раз. Так?

Пришлось улыбнуться:

– Ну... примерно.

– Спасибо, что показал. В последний раз ведь.

Симо похолодел.

– В последний, в последний, – кивнул Чернов. – Станцию будем эвакуировать. Ну что, двинулись?

Двинулись. Красный столбик на индикаторе радиоактивности потихоньку пополз вниз. Одиночные камни, вывернувшиеся из-под ног, неторопливо скатывались по осыпи. Симо плелся сзади, стараясь не смотреть на мелькающую перед глазами начищенную ооскафандренную спину – зря старался Ахмет. Зря молчал как убитый, терпел и только кивал, поддакивая, зря старалась Джулия, зря Вольфганг тяжеловесно пытался услужить. Все впустую, болотному гаду под панцирный хвост. Не тот Чернов, совсем не тот, что лез в пекло на Юнии, и даже не тот, каким был на Капле. Начальство. Молодое, еще горячее начальство, не без спеси, любит принимать решения даже там, где это не обязательно. Попирает землю, человеке. К тому же спасатель по натуре: на Капле спас и теперь тоже тщится, а когда спасаемый упирается и намерен утонуть, его глушат кулаком по темени и выволакивают на берег за волосы, это всем известно. Веди себя смирно, выполняй, что приказано, сам не тони, пока не топят, и не вовлекай подчиненных. Уяснил?

Нет.

Ну, тогда заставим...

Капля, Капля... Симо на ходу помотал головой, отгоняя видение. Стойкий сюжет ночных кошмаров: разьедаемый тонущий плот, жгучие брызги, слетающие с таранящих волн, плевки едкой пены, и горизонт горит – что там может гореть?! – а вокруг только океан, зеленые воды, наполненные жизнью до самого центра планеты, и где-то там, уверенно и неотвратимо, наматывая на винты чужую жизнь, идет к цели ядерная торпеда, наделенная искусственным интеллектом... Симо еще поморгал, и видение пропало.

– Зря ты меня тогда вытащил, вот что.

– А? – Чернов обернулся. Симо догнал, пошел рядом.

– Борька, – хрипло попросил он. – Давай так: ты меня не видел, а? Не нашел, не долетел, не передал. Гукнулся в сельву, застрял, пришлось вернуться. Годится?

Чернов натянуто улыбнулся. Покачал головой.

– Раньше надо было думать, Симка. Теперь поздно. Не сегодня завтра здесь будет полно северян. Это их территория.

– Нет, – сказал Симо. – Это не их территория. Это вон чья территория, – он показал через плечо. – Только их и ничья иная. Это единственное место на планете, где возможен Процесс,

и ты это понимаешь не хуже меня. Где ты еще видел превращение неразумного в разумное? Вот и не увидишь нигде через несколько дней, голову даю на отсечение...

– Это почему не увижу? – спросил Чернов.

– Убьют их, вот почему! – не выдержал Симо.

– Ну-ну. Вот так сразу и убьют... – Чернов поморщился. – А зачем их, собственно говоря, кому-то убивать? Чепуха. Пошлем от Академии официальное обращение к правительству Редута. В связи с исключительной научной ценностью... ну и так далее. Я добьюсь. Слово.

– Подотрутся они твоим обращением, – сказал Симо. – Каплю забыл?

– Ну, Капля – это аномалия. Когда начинают делить жидкую планету...

– Когда начинают делить твердую, бывает то же самое. А мы тут... «В связи с исключительной научной ценностью...» – Симо фыркнул. – Мне вообще последнее время кажется, что в Академии разучились думать. Никак не могут понять, что вариадонты ценны сами по себе, а вовсе не потому, что мы ими интересуемся. Да не очень-то и интересуемся, право слово.

Чернов поднял бровь, молчал. Симо отвернулся, скрывая злость. Надо же, как смотрит, ждет, что подчиненный сам поймет неуместность своих слов... Не дождется.

– Академия занимается вопросами комплексного освоения планеты, – заговорил наконец Чернов. – Освоения, заметь, это существенный момент. А не наоборот. Ты что намерен предложить, только без соплей, – заповедник?

Симо махнул рукой:

– Не мечтаю. Тут Редут устроит заповедник... Но хотя бы... Борька, я прошу тебя, ты же можешь... Сохрани мне станцию, больше мне ничего не надо, только станцию...

– Вот эту? – показал Чернов. Развалины вагончика были уже видны вполне отчетливо. В развалинах копошились три крошечные фигурки, издали было не разобрать, где кто. Пытались что-то спасти.

– Станция – это не вагончики, – возразил Симо. – Станция – это люди. Люди, делающие свое дело и готовые делать его впредь. Нормальные люди.

– Вот-вот, – сказал Чернов. – Значит, ты, сам нормальный, хочешь рискнуть своими нормальными для того, чтобы уберечь этих твоих... как их...

– Вариадонтов.

– Вот именно, вариадонтов. Прикрыть, значит, телом, причем не только своим... молодец! Да ты хотя бы представляешь себе, что здесь будет твориться в тот момент, когда тоннель выйдет наружу?

– Нет, – зло сказал Симо. – Не представляю. А что здесь будет твориться?

– Сдохнешь, идиот! Если тебе на себя наплевать, то мне нет. И ставить Академию, да что там – всю Межзону в дурацкое положение я тебе не позволю. И мне не позволят. Понял?

– Значит, нет? – спросил Симо. – Значит, никакой надежды?

– Ее и не было, – сказал Чернов. – Я тебя, кажется, не обнадеживал.

Верно. Симо почувствовал себя опустошенным. Не обнадеживал. Сейчас придем, Чернов скажет: «Мы сюда еще вернемся», – и все поймут, что это ложь и что мы не вернемся сюда никогда. Почему же он ничего не понял, Чернов? Ведь понял же тот пилот, а уж на что, кажется, заурядный малый... Может быть, Чернов испугался? Может быть, дошел своим умом, какие для кого-то откроются возможности, если гипотеза верна и восемь вариадонтов, как только будет готов Восьмой, сольются в единый сверхорганизм-супермозг? Ужаснулся, замалхал руками: не хочу, мол, не надо... А может быть, просто дорожит своим местом – чем же еще и дорожить, когда жизнь привычно вне опасности? Нормальный человек, налицо нормальная логика...

– Ну вот что, Борька, – Симо прибавил шагу, оглянулся через плечо, – имей в виду: я отсюда никуда не лечу. Никуда, ты меня понял?

4

Томмазо Матрелли. Александр Шабан. Юзеф Рыкульский. Рэндолф Дитц. Нуньес механически помассировал шею, стряхнул с ладони капли пота. Кто-то из них, из этой четверки... Кто? Все четверо пилоты класса «ультра-плюс», рассматривать иные уровни не имеет смысла, и все четверо в июне девяносто первого находились в Редуте. Кто же? Так... первого и четвертого можно отбросить: нет побочных специальностей, пилоты как пилоты, не более. Гм... Матрелли – дипломированный инструктор по прыжкам с планирующей доской... Ну, пусть себе прыгает. Не то.

Нуньес отложил два листка на край стола, взял два оставшихся. Его не покидало предчувствие удачи. Рыкульский и Шабан, теперь один из двоих. Кто?

Юзеф Рыкульский, двадцати девяти лет. Так. Очень подходящий возраст: рефлексy еще не притуплены, мышление конкретное. Прекрасные аттестации. Долгосрочный контракт с Редутом. Ладно. Что еще? Ага, образование: Северо-Западный Центр земных ВС, одиннадцатый в выпуске 88 года. До этого: Технологический колледж в Ванкувере, полный курс. Неплохо... На этом можно было бы построить немало предположений, если бы не одно обстоятельство: пилот Юзеф Рыкульский прибыл в Редут 2 июня 91 года Лиги, за 6 дней до полета флайдарта-нарушителя... Нуньес наморщил лоб. Нет, чепуха, не получается по времени, за такой срок сколько-нибудь серьезно подготовить акцию невозможно. Или, лучше сказать, сомнительно. Как-то удивительно несерьезно это выглядит: поручить сверхсложный полет малознакомому новичку, заведомо плохо знающему местные условия... Нет, не то.

Третий листок лег поверх первых двух. Осталась последняя кандидатура: Александр Шабан, тридцати трех лет, в Редуте с сентября 90 года, трехгодичный контракт. И значит, он еще здесь, на Прокне, и еще долго будет здесь, знаем мы эти трехгодичные... Нуньес усмехнулся. А вот самое удивительное: о пилоте Шабане в контракте ни единого слова, оговоренная работа – геологоразведка. Это как понимать? Редут послал в Межзону липовую копию? Вряд ли, причины не усматриваются. Гм... Ладно, еще раз... Так. Кадетская школа с младых ногтей, затем опять-таки Северо-Западный Центр, четвертый в выпуске 83 года... Ого! Пилот «ультра-плюс», без натяжки. Так. Служба... Вот оно: авария, разлом центроплана пилотируемой машины. Что ж, бывает... Результаты цереброанализа: страдает синдромом Клоцци в скрытой форме, к несению службы непригоден. Отставка – 86 год. Гм, Клоцци, Клоцци... Ага, есть сноска: «Синдром К. – стойкое психическое состояние, при к-м больной не в состоянии на сколько-нибудь длительный срок подавить мыслительный процесс. Неизлечим. Для Прокна-натурализованных временный эффект дает применение психотропных препаратов группы СТ-гамма...»

Нуньес сочувственно кивнул. Понятно, отчего флайдарт развалился в воздухе: он же с цереброуправлением. На карьере пилота с синдромом Клоцци можно ставить жирный крест. Так, а чем этот клоццанутый занимался после отставки? Гм... пробелы. Неопределенный род занятий – по 87 год. Далее: Скандинавия, Берген. Курс петрографии с упором на разведку редких и рассеянных элементов... Очень хорошо. Участие в экспедициях: Антарктический горст, кратер Тихо... Просто замечательно. Контракт с северянами через их представительство на Земле. В Редуте: краткосрочные курсы разведчиков и (предположительно) начальная ступень школы выживания. Прекрасно.

Нуньес встал, заходил по комнате. Теперь он знал ответ. Ай да северяне! Два года темнить и отмалчиваться, скрывать то, что, казалось бы, скрыть невозможно... Понятно, зачем им понадобился пилот со специальностью геологоразведчика, и понятно, почему они не воспользовались официальным каналом – через Межзону. Конечно, не велика премудрость геологическая съемка, можно подучить любого, но специалист все же предпочтительнее, пусть даже

накормленный психотропной дрянью. С толчками тоже все ясно: направленные ядерные мини-заряды, ускоренный метод. А не маленькое, видно, месторождение на этой стороне, повезло Редуту... Впрочем, Редуту ли еще?

Завершал распылитель, принимая в утробу четыре листка. Информация, конечно, открытая, хотя и не подлежащая, иной от Пикара не получишь, но все-таки... Нуньес ткнул пальцем в клавишу:

– Кхм... Дежурный, есть что-нибудь новое?

– Да, господин полковник. Вакцину привезли, сейчас начинаем.

Нуньес прокашлялся. Сплюнул в платок.

– Вакцинацию отставить... э-э... до особого распоряжения. На завтра десять ноль-ноль назначаю учение по отражению массированного воздушного нападения со стороны вероятного противника. Буду присутствовать лично. Передайте Нильсену, пусть приведет в порядок имитатор. И чтобы никаких регламентных работ, вы меня поняли? Никаких.

– Будет исполнено, господин полковник. Еще что-нибудь?

На этот раз «еще что-нибудь» Нуньес пропустил мимо ушей.

– Дежурный... – Он помолчал. – Что вы думаете насчет этих... толчков?

– Северяне долбят тоннель, господин полковник. Это все знают.

– Откуда?

Неопределенное мычание – на другом конце провода дежурный прикусил язык. Нуньес дал отбой, хмыкнул. Век живи, век учишься... а толку? Во всяком случае, уже ясно, какого тона придерживаться в отчете. Закончить и отправить непременно сегодня: когда начнутся боевые действия, будет поздно. Границе конец. Какой бы крен ни приняли события, границы здесь уже не будет. Как это поется: «Вперед, линейная пехота, вперед сквозь огонь...» Господи, с чем же там рифмуется «огнь»? Надо же, забыл. Ну и ладно... Нуньес почувствовал прилив сил, захотелось расправить плечи. Рано в отставку, рано. Конечно, о линейной пехоте пора забыть, но и на оперативно-штабной работе потребуются офицеры с опытом службы в местных условиях...

А почему бы, собственно, и нет?

5

С борта грузовой платформы Симо наблюдал за погрузкой. Грузить было особенно нечего. Низко над сельвой, крутясь, шла вихревая туча, похожая на спиральную галактику с четырьмя ветвями. Мини-тайфунчик, сигнальная ракета перед хорошей атакой.

– Скорее, вы, там! Ливень идет.

Вольфганг, красный от натуги, протолкнул в грузовой люк холодильник с образцами флоры.

– Готово.

– А скафандры? – спросил Симо. – Скафандры взял?

– Так мы же вернемся...

Верно... Симо кисло улыбнулся, кивнул. Конечно, вернемся... завтра. Ну, послезавтра. Что я им буду послезавтра врать, подумал он в отчаянии. Что? Прибегут – растерянные, обманутые... И самым ужасным, отчего захочется закрыть лицо, будет уверенность ребят в том, что я точно так же был обманут; они не позволят себе думать иначе, даже Ахмет. Блажен, кто верует. Чернов тоже верует в то, что сделает все возможное для того, чтобы двое-трое из нас вернулись из Межзоны со статусом наблюдателей, и господи, как же мне хочется в это поверить... этим он всех и купил. Но мы не вернемся. Чернов дал себя уговорить, уже сейчас, должно быть, прикидывает, какие пружины нажать, с кем переговорить в первую очередь, с кем во вторую и какие выбрать слова, – он действительно сделает все возможное. Но когда

явно, голо, грубо встанет вопрос, кого ему спасать: вонючих вариадонтов или старого, хотя и заблуждающегося, друга, можно не сомневаться, кого он выберет... И мы не вернемся.

– Там опять Третий... – сказал Вольфганг. – Стоит и ждет вас.

– А сам что же? – Симо постарался не встретиться с Вольфгангом взглядом.

– Он не хочет говорить со мной. Он хочет говорить с вами.

Из бокового люка высунулся Ахмет. Прислушивался с интересом.

– Скажи ему... – по лицу Симо прошла судорога. Он ощутил неожиданную злость: какого черта... Мало для них сделали? – Скажи ему, что меня нет дома, что ли...

Взлететь успели до ливня.

Глава 1

Лысый. Противно смотреть. Такой лысый, что выть хочется, и мало радости, что не уникален. Сзади еще кое-что есть, жаль, под шлемом не видно, но спереди лыс, как глобус. Нет, если набычиться и наклонить голову, то можно разглядеть, что и на темечке не совсем гладко, осталось еще, хоть и прорежено. Можно даже поднатужиться и вообразить, что обзавелся всего-то благородными залысинами, но поди попробуй заставить поднатужиться окружающих – всем видно, что не залысины вовсе, а натуральная плешь. Плюс на минус дает минус: плешь благородной быть никак не может. Даже не одна, а две плещи, и обе умеют за себя постоять, обходят центральный оазис, норовя сойтись на затылке. Противно. Пора бы уже привыкнуть, но все равно – противно. И за что? Дурацкий вопрос, между прочим. Значит, так надо, так уж получилось, а ты терпи и не комплексуй. Работа у тебя есть, и не ври, что неинтересная, быт устроен, Лиза у тебя есть, чего же больше? Нет, еще и волос хочется, будто Лизе не все равно, и еще чтобы росточек был побольше, а вид помужественней, чтобы, значит, гипотетические девочки не ворочали носы... Дурак ты, человек, бывший сапиенс, не видишь ты счастья своего, мимо чешешь и еще рычишь на тех, кто поправляет. Так и попрешь мимо.

Шабан сидел на уступе торчащей из снега остроконечной глыбы, с наслаждением вытянув гудящие от долгого подъема ноги, и смотрелся в нарукавное зеркальце, потому что больше делать было нечего. Пока поднимались, прояснилось, низовой ветер отогнал облако в долину, и теперь стали отчетливо видны изломанные пики хребта Турковского, забитые снегом ущелья, белые шапки далеких вершин и крутые, не удерживающие снега склоны.

– Как думаете, на какой мы высоте? – спросил Роджер.

– Тысячи четыре, – лениво ответил Шабан. – Может быть, четыре сто – сто пятьдесят. Не больше. Для такой высоты очень хорошая видимость. Обычно здесь всегда туман.

– Вершины какие-то нереальные, – сообщил Роджер. – Как в мультфильме. И не приблизились совсем. То же самое, что и с равнины.

Шабан хмыкнул. В их работе Роджер был новичком и к горам относился с восторженной обидой. Все хорошо, и все плохо. Устал, зато вокруг красиво. Красиво, но снег пошел. Заблудились, зато уронили в снег и потеряли спасательный буй и запасную батарею к геолокатору – пять килограммов с плеч долой! Кнут и пряник. Теперь вот видны все восемь главных вершин, зато опять издалека, – у Роджера в голосе комбинация восторга и обиды.

– Предположим, нам будут сбрасывать еду и батареи – за сколько дней мы дойдем до гребня?

Шабан поковырял ногой снег, раздумывая: отвечать – не отвечать? Вопрос был дурацким даже для новичка.

– Ни за сколько. Если даже не убьемся на стенах, то просто замерзнем.

– В хитинах?

– Там не поможет. Один дождь тысячах на шести – и часа не протянем.

Было видно, как за стеклом шлема Роджер обиженно заморгал. Справа вставал мало заснеженный Срединный гребень, выставив над собой, словно зубы, острые, пятнадцатикилометровой высоты пики. Где-то еще правее, отсюда не видно, должен быть тот перевал, который он, Шабан, одолел два года назад, – не пешком, конечно. Пешком никому не одолеть.

Он пошевелился, проверяя, не примерз ли хитин к камню. Нет, не примерз. В ногах, полузакопанный в снег, работал геолокатор, отмечая писком повороты луча. Сколько еще? Пожалуй, минуты две-три. Пора, засиделись. И ветер подымается. С чего бы? Ага, значит, с долины пойдет верховой поток, погонит облако обратно.

– Я еще хотел спросить, – сказал Роджер. – Правда, что по ту сторону можно дышать без фильтра?

– Врут.

– Говорят еще, что убегунов там нет.

– Помолчал бы лучше, а? Дай отдохнуть. Нету там убегунов, – с раздражением сказал Шабан. – И не топчись, пока локатор работает.

– Так ведь снег, снег-то амортизирует, – возразил Роджер, но топтаться перестал. Стоял, молча смотрел на Шабана. А Шабан, злясь, подумал, что при всех своих несомненных достоинствах Роджер бывает труднопереносим: вечный вид по форме «чего изволите», нескончаемые вопросы типа тех, что задают – и совершенно напрасно – учителям на переменах примерные ученики, – не для того, чтобы что-то вывести, а просто чтобы понравиться, – и неистребимое, на лице написанное желание иметь наставника, такого, как Шабан, а ему, Шабану, менторский вид уже ох как надоел. Вот если бы остался Менигон...

Запищал в снегу локатор, вытолкнул из себя пластиковый листок. Шабан перехватил вопросительный взгляд Роджера.

– Давай, давай сам, – сказал он. – Посмотрим, чему тебя учили.

Роджер долго разглядывал картинку.

– Ну?

– Значит, так, – неуверенно сказал Роджер. – Значит, разрез по азимуту сорок четыре и пять, шириной раскрыва девять градусов. Осадочные и метаморфические породы. На глубине два семьсот – три... три двести – пегматит. Жилы мелкие, интереса для разработки не представляют. Потом гранит и... и...

– Все? – спросил Шабан.

– Вот тут, с краю, выгиб. Возможно, недалеко закрытый магматический очажок. Небольшой.

– Так, – сказал Шабан, разглядывая разрез. – А что прямо под нами?

– Осадочные породы. Доломит, а вот тут, кажется, известняк.

– Правильно. А это что за жила?

– Не знаю, – насупился Роджер. – Глубоко, нечетко получилось.

– Это ринколит. Жилка идет по старому разлому из радиоактивного горизонта. Сплошные редкие земли. Но, в общем, ты прав, разрабатывать ее никто не станет. Все. Собирай вещи, мы возвращаемся.

Заелись, подумал Шабан, засовывая пластик в карман – для архива. На Земле открытие такой жилы считалось бы событием, за право разработки боролись бы умно и жестоко, даром что мир и консолидация, и не дай бог, если бы ее открыли где-нибудь в приграничной полосе. А парень-то ничего, разбирается. Научится обходиться без няньки – будет разведчиком. Не будет, вдруг подумал Шабан. Теперь уже не будет. Тоннель не даст. Год назад еще мог бы, а теперь нет, поздно.

– Шевелись, шевелись живее...

Роджер споткнулся обо что-то круглое, поддел ногой.

– Смотрите! Череп.

Шабан нехотя повернул голову. Череп лежал на боку и совсем не тарачил пустые глазницы, потому что был забит снегом. Очень спокойный, мирный череп.

– А вы еще говорили, что мы первые в этом ущелье, – с обидой сказал Роджер. – Здесь уже были люди, сами видите... Один даже помер.

– Это не человек помер, – терпеливо объяснил Шабан. – Это убегун помер. Видишь гребневое кольцо ниже затылка? Тупиковая ветвь.

– А-а... Я возьму на память, можно?

– Еще чего...

Снежная крупка, поднятая порывом ветра, пробарабанила по стеклу шлема. Роджер бросил упаковывать локатор и поднялся, отряхиваясь.

– Ты готов? – спросил Шабан.

– Нет еще, – Роджер всматривался в ледник, замыкающий верхний конец ущелья. – Не пойму, откуда взялся ветер. Только что его не было.

Шабан, кряхтя, встал, силой повернул его лицом к долине.

– Не туда смотришь. Смотри на облако, запоминай, как это бывает.

Пухло разрастаясь, облако ползло вверх по склону долины, обволакивая белым скальные стены, затопляя боковые ущелья, словно кашей, рыхлыми клубами тумана. Темная подошва тучи неспешно текла совсем низко над склоном, слоистая облачная верхушка вытягивала вперед короткие языки. Снежные шапки на далеких вершинах потускнели. Бесшумно и как-то неожиданно верхняя часть облака начала быстро подниматься, выбрасывая белый купол выше скальных стен, пока на спине тучи не вырос гигантский клубящийся гриб, и новое облако, втянув в себя ножку гриба, поплыло, быстро обгоняя ползущую внизу тяжелую тучу.

Шабан выдернул наконец из локатора примерзший разъем питания. Работая руками, выкопал из снега, убрал в заплечный контейнер увесистую батарею. Поднявшись с корточек, посмотрел вниз, туда, где вползала в ущелье рыхлая серая масса.

– Ага, – сказал он. – Уже разделилось. Иногда это бывает очень красиво, но все же лучше держаться от этого подальше. Твой «ишак» еще дышит?

– Так серьезно? – удивился Роджер. Сберегая батареи, «ишаками» пользовались редко. – А что будет?

– Все по очереди. Облако разделилось на две фракции: водяную и аммиачную. Та, что наверху, – аммиачная. Она идет быстрее – там, наверху, сильнее ветер – и через полчаса будет здесь. Тогда пойдет аммиачный дождь, потом дождь с мелким твердым снегом, потом один снег, уже обыкновенный. Хорошо бы все это увидеть уже из вездехода. Ты готов? Тогда пошли.

На ходу, отодвинув пластинку на рукаве, он включил «ишака». «Я здесь. Я помогу», – шепнуло в шлеме, и идти сразу стало легко: «ишак», улавливая малейшие движения мышц, ловко задвигал скрытой арматурой хитина. Включить его можно было и голосом, произнеся кодовое слово, – на случай если покалечишься или обморозишь руки и не сможешь дотянуться до заветной пластинки. Шабан знал, что Хромец Гийом, к примеру, одолел со сломанной ступней весь кошмарный спуск с гребня Чертовой Пилы и ему повезло: слабенький сигнал о помощи был случайно принят патрульным вертолетом, когда батарея «ишака» уже исчерпала себя полностью. Бывало, «ишак» подсказывал наиболее выгодный в данной ситуации режим движения, следил за самочувствием хозяина, служил справочником и переводчиком, держа в памяти до тридцати языков. Вариант для Прокны имел к тому же одностороннюю приставку-преобразователь «мимика – речь» для общения с убегунами. В целом, достаточный набор удобств для землеподобных планет, если, конечно, не забираться в горы. Потом как-то вдруг заговорили об успешных испытаниях высокогорного сервоскафандра, и что месяцев через пять-шесть... Вот-вот, подумал Шабан. Как раз тогда-то он уже никому не будет нужен. И вообще, горная разведка прекратится на несколько лет как минимум. Может быть, сегодняшний выход для нас последний, а там месяц-другой – и улечу на Землю, стану экспертом... как Менигон. Буду работать в чистом кабинете, давить подчиненных авторитетом первопроходца... И ладно.

Они обошли торчащую из снега скалу, похожую на каменный клык, пораженный кариесом. В «дупло» набилось ледяное крошево. Вокруг клыка снег был глубок и рыхл, следы замело, и пришлось идти медленно, высоко, по-журавлиному поднимая ноги, иначе, если грести ботами снег, «ишак» этого не поймет и спровоцирует падение. А время дорого. Выйдя на твердое место, пошли быстрее, и Шабан порадовался тому, что на подъеме сохранил батарею свежей. Терпел сам и парня заставил, и теперь уже ничего не случится.

Он поднял глаза и присвистнул: облако было уже почти над ними. Теперь оно было охвачено бурным движением, словно кто-то наверху помешивал пену, как при большой стирке.

Адская кухня. Казалось, туча опускается прямо на них, как осьминог на краба, уверенный в том, что жертва не уйдет. Опоздаем, прикинул Шабан. Но чуть-чуть, не так уж и страшно. А парню будет только полезно.

Сзади топал Роджер, совсем близко. «Пятки отдавишь!» – буркнул Шабан через плечо.

– Так это не я, – возразил Роджер. – Это «ишак» старается, а у меня просто шаг шире, потому что я выше, – я виноват, что у меня шаг шире?

Вездеход был уже виден, когда вдруг пронесся и стих ветер и первые капли чистого аммиака зачмокали по лежалому снегу, с шипением вскипели на шлемах. Роджер, споткнувшись, остановился, недоуменно завертел головой. Вот теперь пора, решил Шабан. Он знал, что сейчас будет.

– Бросай локатор! – крикнул он. – Бежим! Да брось же!..

Локаатор шлепнулся в снег рядом с брошенной батареей.

– Говорят, в Межзоне есть перевалы всего в семь тысяч высотой, – уже на бегу крикнул Роджер.

– Чушь говорят. – И Шабан побежал в полную силу.

Туча, не разродившись молнией, гроыхнула вхолостую, и сейчас же в землю, в снег, в скалы ударили мощные, хлесткие струи. Под ливнем, окутанные шипящими клубами пара, прыгая через снежные бугры, бежали к вездеходу две человеческие фигуры.

– Райский уют, – сказал Роджер, когда люк вездехода отделил их от ливня и система обеззараживания, прокачав через себя воздух, позволила снять шлемы. – В сущности, много ли человеку надо? Да, а как там локатор, под дождем не испортится?

– Ничего ему не будет, – сказал Шабан, стаскивая хитин через голову. – Потом подберем. Отдыхай пока и помолчи, если умеешь. Лучше всего ложись.

Он устроился на передних сиденьях, затолкнув ноги под рулевую колонку. Позади зашипело: Роджер поливал свои сиденья пенящейся струей из флакона. Рыхлая пузырящаяся масса вспучивалась, невероятно увеличиваясь в объеме, попыталась было сползти на пол, но Роджер, подхватив убегающую пену рукой в перчатке, вернул ее на место. Через минуту, попробовав пальцем постель, он издал громкий торжествующий вздох и рухнул спиной в мягкую снежно-белую перину.

– Здорово, – с завистью сказал Шабан. – Новинка?

– Старье. Но мне говорили, что на Прокне этого не достать.

– Еще бы. Такого здесь и в глаза не видели.

– Если хотите, могу уступить пару флаконов, – охотно отозвался Роджер. – Это недорого.

– Ладно, – сказал Шабан. – Подумаю.

Лежать было блаженством. В теле ходили сладкие токи, будто сок в молодом дереве, когда в лесу – в земном лесу – исчезает набрякший серый снег и в первом дуновении тепла лес оживает – еще не всплеском цветения, не яростным порывом листьев, ломающих оболочки почек, а тихой радостью обновления жизни, мудростью внутреннего перевоплощения в ожидании близких перемен. Зачем? А надо так, и глуп тот, кто спрашивает. Не надо спрашивать. Шабан любил такие минуты. Он наслаждался, созерцательно ощущая, как сладко согревается кожа и растворяется в блаженстве усталость, а тело, лишенное хитиновой удавки, вот-вот готово взлететь, не то что у Роджера, который утонул в своей перине, как начинка в пироге, и воображает, что отдыхает. Господи, лежать бы тут и лежать, подумал он. Жаль, спать нельзя прямо сразу, но это ничего, это успеем.

Оба почувствовали толчок снизу, вездеход заметно дернулся. Снаружи донесся ухающий грохот: должно быть, недалеко сходила лавина.

– Вот-вот, – сказал Шабан. – Вот всегда так. Если перекроет дорогу, нам отсюда до ночи не выбраться.

– Землетрясение или взрыв? – Роджер даже привстал.

– Очередной взрыв в тоннеле. Пожалуй, километрах в девяносто – ста отсюда. Естественно, без оповещения. На Прокне всегда так, а в Редуте в особенности: сначала сделают, потом, может быть, предупредят.

– Это как же, – загорячился Роджер. – Ведь там должны были знать, что мы-то здесь!

– Должны, – лениво ответил Шабан. – Но, во-первых, нам уже давно пора быть на равнине, во-вторых, расстояние все же большое: видишь, сошла только одна лавина. В-третьих, кто мы с тобой такие?

– Ну и ну, – сказал Роджер. – По-моему, хамство.

– Нет, – возразил Шабан. – Стиль работы.

Улыбаясь, он проследил смену выражений на лице напарника, всю последовательность: от недоумения до обиды на всех и вся. Новичок... Ну-ну, мальчуган, ерунда все это, забудь, много тебе еще разной ерунды встретится, успевай только отмахиваться. Вот застрянешь на Прокне после стажировки лет, скажем, на пять, да хотя бы и на год – вот это будет уже не ерунда. Прошел натурализацию – теперь терпи. Для начала предложат полуторный оклад. Потом заявят, что «Юкон» – грузовой корабль и совсем не полагается возить на нем пассажиров, да и места все равно нет. Потом придумают что-нибудь еще, это несложно. А пока что ж, лавина-то, кажется, упала выше нас по ущелью, может быть, на том самом месте, где нас застал дождь, – радуйся, парень, своей удаче, радуйся тому, что впереди у тебя больше, чем у меня, а еще тому, что ох как многого ты еще не понимаешь. А понять бы главное: за что мы, люди, так безжалостно терзаем несчастную обитаемую планету, словно завтра ее у нас отберут, как отбирают в наказание игрушку у провинившегося ребенка? Вселенский абордаж, говорил Менигон. Накинулись: лежит – бери. Глубоко лежит – копай, а еще лучше заставь копать кого-нибудь другого и опять-таки бери, пока еще есть. А ведь есть еще, за три Нашествия не вычерпан даже верхний слой, разведка из года в год устойчиво приносит избыточные результаты. Нужно ли? Премияльные убеждают, что нужно. Поздняков говорит, что это наш долг... соберет у себя разведчиков и говорит... Наш долг – служить Редуту и, в конечном счете, всему человечеству... зачем воротите морду, вы, там! Слушайте. Он прав. Приятно чувствовать себя человеком, выполняющим свой долг, это поднимает в собственных глазах, если не в глазах окружающих. Попробуйте опровергнуть. За голые премияльные не полезешь туда, где можно свернуть себе шею и не добудешь результатов, а значит, какой же ты к дьяволу разведчик? И жаль людей, которые перестали понимать, в чем состоит их долг. Себя, например, жаль...

Было слышно, как Роджер ворочается, устраиваясь поудобнее. «Рано, – подумал Шабан. – Вот сейчас и начнется...» Он почувствовал легкий озноб, неприятная волна прошла в глубине тела и растеклась по коже мелкими мурашками. Морщась, он сел, достал из багажной ниши два спальных мешка, один оставил себе, другой перебросил через спинку сиденья на голову Роджеру. Потом подумал, вытащил теплый свитер и кинул туда же.

– Это зачем? – спросил Роджер, сгребая вещи. – Жарко же.

– Скоро тебе не будет жарко, – сказал Шабан. – Зато запомнишь, что такое аммиачный дождь. Устраивайся там у себя, главное – потеплее.

Он потянулся застегнуть свой спальный мешок, и тут его самого начало бить крупной судорожной дрожью.

– В-в-в-в-в-в... – сказал из своего мешка Роджер.

Спальник позволил свернуться калачиком. У Менигона с его ростом это никогда не получалось, вспомнил сквозь дрожь Шабан. Он был немного фаталистом, этот Менигон. Считал озноб законной компенсацией за первые минуты наслаждения теплом и покоем. Ничего, скоро пройдет. Может быть, это вообще в последний раз: со дня на день тоннель должен выйти по ту сторону хребта, и тогда вся разведка будет там, в тепле и солнечном свете. Потом там начнут

рубить шахты... нет, об этом лучше не думать. Что это там? Кажется, еще одна лавина. Ниже нас. Скверно.

Он закрыл глаза. Было слышно, как шумит снаружи дождь, лупит по крыше вскипающими каплями, и урчат струи в большой промоине под днищем, шлифуют камешки, перетирают в песок рыхлую породу, а дождь сильный, не каждый день такой бывает. И хорошо, что не каждый день, и лучше бы его вообще не было в природе, а держать его специально для туристов, если когда-нибудь сюда заявятся туристы. Организовать им спасательные пункты на перевалах, санбернаров для спасения обмороженных людей и людей, чтобы спасти обмороженных санбернаров, а в долине построить больницу и лечить там пневмонию и увечья. Отбоя не будет.

«А кто такие вариадонты?» – спросить бы их. «Не зна-а-ем, – зевнут. – Были вроде бы такие... вымершие». Вот-вот, вымершие. Черта с два меня здесь удержишь после срока, подумал он, засыпая. Обойдетесь без Шабана, голубчики хомо аммоникусы, мать вашу, слово «сапиенс» никто и не вспомнит, и получается, что вы – двуногие без перьев и с плоскими ногтями. Платон. Кстати, убегун прекрасно подходит под это определение. Человечество Прокны, герои Третьего Нашествия – какие славные слова! Поздняков без них жить не может. Не дурак ведь, а талдычит, как попка: хорошо честно выполнять свою работу и плохо нюхать ползучий гриб... Ладно. Хорошо жить с женой или моделью и плохо, совсем никуда не годится, меняться моделями с друзьями-приятелями... Согласен, а что дальше? Не знаю. И никто не знает, даже Менигон, и спросить не у кого...

Ненадолго он увидел Лизу, улыбающуюся и почему-то одетую в форменный хитин. Потом Лиза исчезла и под закрытые веки заполз говорящий енот с голосом Хромца Гийома. Он сидел верхом на натурализационной камере и дразнился полосатым хвостом. «Чего тебе?» – изумленно спросил Шабан. «Псих! Псих, псих, псих, псих! – зачихал енот и почистил лапу о лапу. – Пси-и-их! С-с-согласси-и-илс! Три го-о-о-да!.. – Енот зевнул и протер морду. – Котя хоро-о-о-ший. Хороший пси-и-их!» – и енот опять показал хвост. Пошел ты, рассердился Шабан и, заморгав, выгнал енота вон. Умник. Попробовал бы сам не согласиться, когда туп по молодости и еще хочется посмотреть мир и выбиться в люди. Молчал бы уж...

... – Здравствуйте... Да вы садитесь, садитесь. Вот сюда. Ведь ваша фамилия Йоити, верно? А моя фамилия Поздняков, я начальник геологической службы Редута. Будем работать вместе, не так ли?.. Да не стойте, садитесь же. У вас семья есть? Ну что ж, это даже к лучшему, эти проблемы мы решаем своими силами, постараемся и вам помочь, не глотать же вам либидоид... – Поздняков вдруг уставился прямо на Шабана. – Э, постойте-ка... Ведь ваша фамилия не Йоити, я не ошибаюсь? Ведь вас зовут Александр Шабан, то-то гляжу, на азиата вы мало похожи... ну да, точно. Тут на вас была какая-то информация... Вы ведь пилот?

– Нет, – сказал Шабан. – Не пилот. Впрочем, был когда-то.

– И прекрасно. Как вы посмотрите на то, чтобы, после соответствующей подготовки, разумеется, совершить один-два полета? Подумайте.

Что тут думать... Шабан дернул щекой. Вечно перед глазами, вечно: высотный полет, восхитительное чувство слияния с машиной, и он умел наслаждаться этим чувством, а небо над головой было черное... И никого, абсолютно никого вокруг, он был один в субкосмосе, а под ним, сжавшись в ужасе, висела Земля, подоженная по краю короной встающего Солнца, – тогда он, готовый почувствовать себя богом, засмеялся и бросил флайдарт вниз, чтобы испытать невесомость. И краткую секунду перед тем, как перегрузка лишила его сознания, а мимо кабины, крутясь, пронесли оторванные крылья, он действительно чувствовал себя богом... Нет, подумал Шабан. Я не хочу.

– По-моему, – осторожно произнес он, – я прибыл сюда... э-э... в несколько другом качестве.

– Ну, разумеется, разумеется, – Поздняков источал благодушие. – Конечно, в другом, этого у вас никто не отнимет. А все-таки если предположить... Теоретически – смогли бы?

– Вряд ли. – Шабан помялся, отвел глаза. – Я, наверно, не смогу. У меня... у меня, знаете ли...

– Да-да, – покивал Поздняков. – Синдром Клоцци, не так ли? Да не стесняйтесь вы, с кем не бывает. Я лично не вижу в этом ничего унижающего ваше достоинство... ну хорошо, не будем об этом. Вы знаете, – он вдруг понизил голос до шепота, – мне по роду службы часто приходится приказывать людям делать то, чего им делать не хочется, а иногда даже то, чего они делать не обязаны. Это ужасно, верно? Но бывают моменты, – и голос возвысился, – я бы даже сказал, исторические моменты – да, да! – когда приходится сжав зубы отдавать самые жесткие приказы и требовать безусловного их выполнения. Во имя человечества, во имя всех нас... Вы меня понимаете?

– М-м... Не вполне.

– Понимаете, – погрозил пальцем Поздняков. – Все вы понимаете... Ну хорошо, оставим пока этот разговор, время терпит. Не торопитесь с ответом, подумайте. Этот полет стал бы для вас прекрасной аттестацией, мне было бы легче убедить руководство дать вам сразу вторую служебную степень... У вас ведь пока четвертая? Заметьте, не пятая, как обычно: разведчики в Редуте образуют нечто вроде привилегированной касты, мы с этим миримся и даже, могу признаться, немного этому способствуем, поскольку и спрос с них... Впрочем, в этом вы сами убедитесь. А пока, – Поздняков встал, и Шабан встал тоже, – позвольте пожать вашу руку. С этого дня вы государственный служащий, будьте достойны своего положения. У меня на вас большие надежды, и что-то говорит мне, что не напрасные... Если будут какие-либо неприятности служебного или личного характера – сразу ко мне, договорились?

– Договорились, – кивнул Шабан. Он был рад уйти. Государственный служащий... гм, совсем неплохо. Звучит значительно. Так и буду теперь представляться: Александр Шабан, государственный служащий.

– К кому же мне вас пока прицепить? – Поздняков провел ладонью по розовому лбу, поправил красивые седые виски. Улыбнулся. – Пожалуй, к Винсенту Менигону – прекрасный разведчик, вот только с напарниками ему не везет. Зайдите к нему прямо сейчас, я уверен, он вам рад будет...

– Да! – крикнули из-за двери. – Входи, я не запираюсь. Но учти, посылаю к... без предупреждения.

Шабан, робея, вошел. За дверью оказалась замусоренная холостяцкая берлога с пыльным окном-экраном и одиноким настенным светильником, отбрасывающим на замызганную стену резкое световое пятно. Под светильником на откидной полке лежал, закинув ногу за ногу, некто длинный, лениво покачивал ногой в поношенной туфле, и сплюснутый задник туфли равномерно шлепал по костлявой пятке. Кверху смотрела коленка с торчащим, как шишка, мениском – коленка твердая, явно знакомая с задами непрошенных гостей, – а лицо лежащего было закрыто книгой – он читал и, по-видимому, не собирался отвлекаться на такую мелочь, как посетитель. Шабан почувствовал себя неуютно.

– Кхе, – сказал он. – Здравствуйте. Видите ли, Поздняков направил меня к вам...

Поверх книги показался загорелый лоб в морщинах и равнодушные глаза – спокойные и желтые, как у безмятежного хищника. Затем выехал крупный облупленный нос.

– Слушай, милый, – сказал лежащий. – Здесь ведь такого не терпят. Или ты будешь звать меня на «ты», или сейчас вылетишь отсюда соплей и больше не вернешься, это я тебе говорю. Ты кто?

Неприятный тип, подумал Шабан. Ясно, почему ему не везет с напарниками. Хамло.

– Я же говорю, меня к вам... к тебе Поздняков прислал. Для совместной, – он поперхнулся, – работы.

Книга полетела на пол. Лежащий вскочил неожиданно легко: несмотря на возраст, он оказался ловким и жилистым. Его плохо бритый подбородок приходился Шабану выше глаз.

– Меня зовут Винсент, – буркнул он, протягивая костлявую лапу. – Теперь это твоя комната, живи. Вещи перетащить сможешь?

– Да-да, – ошеломленно сказал Шабан, – конечно... А почему моя? Это ваша... твоя комната, мне про это никто ничего... Здесь, наверно, какая-то ошибка, вы меня извините, пожалуйста. Я сейчас пойду выясню, и я уверен...

– Стоять, – сказал Менигон. – Это твоя комната. Была моя, а теперь твоя, понял? Тут у нас такой порядок: кто-нибудь из старожилов отдает свою комнату новичку. Психологи, за ногу их, придумали, чтобы нам здесь, значит, не ржаветь. Кретины же: ржавчина не ржавеет. Не слушают.

– Но мне как-то неловко, – сказал Шабан.

– А ты плюнь, – посоветовал Менигон. – Так вещи перенести сможешь?

– Ну... разумеется.

– Ничего не разумеется. А обзаведешься моделью, – Менигон брезгливо осмотрел комнату, – скажешь ей, чтобы убралась тут. Сам не трогай – обижусь. Понял?

– Не понял, – раздраженно сказал Шабан. – Что еще за модель?

– Ты что, маленький? – Менигон округлил желтые глаза и даже повеселел. – Моделей не видел? Говори дяде правду: так-таки и не видел? Ах, ну да, ты же у нас еще совсем цыпленочек... И не слышал даже? О чем же с тобой Поздняков разговаривал? Сосунок ты. Ну а, к примеру, кто такой Живоглут, тебе тоже не известно?

Исключительный хам... Шабан сжимал зубы, сдерживаясь. И с таким вот работать, терпеть мерзавца...

...Но именно Менигон, единственный из всех, встретил его на Базе после того сумасшедшего полета, и именно он, опередив техников, вынул его, полуобморочного, из кабины флай-дарта, когда сил хватило лишь на то, чтобы довести машину до Базы – сажали уже наземным «поводырем»... Как Менигону удалось добыть пропуск на флайдром, так и осталось неизвестным.

«Трудно было, малыш?» – только и спросил, когда они остались одни. Шабан показал глазами: да, трудно. Язык все еще не слушался. И тогда Менигон наклонился к его уху:

– А будет еще труднее, – сказал он шепотом.

Как в воду глядел.

...Шабан не заметил, когда кончилась дрожь. Проснувшись, он обнаружил, что дождя снаружи нет, и верно: сквозь крохотное оконце в башенке пробивался солнечный свет, отраженный каким-то ледником. Вставать не хотелось, но, вспомнив о лавине, он вылез из мешка и растолкал Роджера.

– А? – спросил Роджер и стал тереть глаза. – Уже все?

– Вставай, вставай. Разлежся здесь... Пену свою убери. Чтобы чисто, понял?

– Ага. Я сейчас.

Преданный взгляд... Мальчишка. Лечить надо. Жаль, нет Менигона – он умел.

– Ты вот что, – сказал Шабан, помедлив. – Скажи-ка мне: что тебе про меня Поздняков пел? Только честно.

– Ну-у... – Роджер покраснел. – Он ничего такого про вас не говорил. Я, собственно, не помню точно... Хвалил вас, ставил в пример. Говорил, что вы лучший специалист в разведке, что заслуженно отмечены. Еще сказал, что вы человек долга, что можно на вас положиться... Что мне повезло...

– Достаточно, – прервал Шабан. – Ты сам тоже так считаешь?

Лицо Роджера стало совсем бордовым. Он застенчиво кивнул:

– Считаю...

– А раз считаешь, – Шабан криво ухмыльнулся, надеясь, что ухмылка выйдет гнусная, – тогда сгоняй-ка ты, парень, за локатором.

Глава 2

Вездеход резко дернулся вперед, отряхиваясь, и налипший на крышу пласт серого снега одеялом сполз на землю. И сразу же гусеницы захлюпали в вязкой каше: вокруг успело-таки подтаять. За ближайшим поворотом путь преградил снежный завал. Это была даже не лавина – просто масса раскисшего снега лениво съехала метров на пятьдесят вниз по склону и, выбрав единственное во всем ущелье ровное место, здесь и застряла.

– Парень, давай к турели.

Из башенки на крыше брызнул лазерный луч – на дальней скале вспыхнула красная точка, взвилось каменное крошево, посыпались камни.

– Не идет! Может, примерзло?

Ну что ж, это не первый случай, бывает, что и гусеницы смерзаются намертво. Шабан поморщился. Теперь предстояло снова лезть в хитин и растапливать завал личным оружием.

– Брось дергать, все равно не оторвешь. Одевайся.

Верхний люк выпустил его на крышу. Следом вылез Роджер, волоча за ремень кобуру чудовищных размеров, зацепил ее за край люка, чертыхнулся, дернул и, чуть не упав, пошел красными пятнами, тщетно пытаясь принять безразлично-молодецкий вид. Контраст между ним и кобурой был разительным – Шабан даже присвистнул. Ну и монстр... Оружие титанов. Ясно, отчего Роджер при всем своем очевидном желании покрасоваться не носит кобуру на поясе: мальчишки ужасно не любят вызывать чужой смех, да и кто любит? А зря. Редкая и замечательная вещь этот «винсент-магнум», до упора набитый гранато-пулями. Идеальный копытоотбрасыватель. И имя у него, как у Менигона. Забавно.

Усевшись на башенку, Роджер лихо передернул затвор. Он был явно рад случаю пострелять, и Шабан, заметив его блестящие глаза, фыркнул. От грохота выстрелов у него заложило в ухе, загудела под ногами броня вездехода. Результат оказался ничтожным: пули бесследно тонули в снежной массе. Одна все-таки сдетонировала – из завала взвился огненный фонтан, с шипящим свистом вырвался столб пара, но тут же снег сполз в новорожденную яму, как ничего и не было, только ветер погнал по ущелью белое облачко и, ударив о скалу, растрепал, разметал, развеял. Роджер, сконфузившись, убрал пистолет в кобуру.

– Ты еще спичкой попробуй, – сказал Шабан. – У тебя что, лучевика нет?

– Мне не выдали. Сказали, что скоро на ту сторону, а там он не нужен. Может, у вас лишний найдется, а?

Шиш ему... У Шабана в Порт-Бьюно был лучевой пистолет, оставленный на прощанье Менигоном, но он покачал головой. А Роджер с завистью смотрел, как Шабан, расфокусировав луч, расправляется с завалом. Через несколько минут дорога была свободна, вниз по ущелью стекала грязная жижа.

– Может быть, в обмен на «магнум»? – с надеждой спросил Роджер.

Снимая хитины, поторговались. В придачу Шабан получил флакон с пенящейся жидкостью. Довольный Роджер убирал оружие в багажник. Шабан снова сел за руль, и вездеход, обогнув большую глыбу, муторно затрясся по камням. Через час стены ущелья раздвинулись. Снег кончался. Уже в полдень выбрались наконец на равнину и пошли вдоль хребта. В этом месте не было предгорий, крутые склоны начинались как-то сразу, и ближние вершины закрывали собой недоступный гребень. В последний раз гусеницы проскрежетали по камню, и сразу же за кормой потянулся клубящийся пыльный хвост: вышли в степь, и Шабан, отдав Роджеру управление, разрешил себе расслабиться. Местность была знакома. Вдалеке за высохшим по случаю сухого сезона озерком по мере движения уходили за горизонт развалины древних построек, сохранившихся чуть ли не с времен Первого Нашествия, а еще дальше лежала обозначенная вышками граница крохотного анклава Коммуна, приближаться к которой разведчикам не реко-

мендовалось, несмотря на то что Коммуна никогда не была членом Содружества, а может быть, именно поэтому. Больше ничего на глаза не попадалось, за анклавом голая степь простиралась до самого океана. Слева нависали горы. Один раз в узком просвете, в вечном тумане ущелья, проточенного в теле горы мелкой, переплюйного вида речкой, показалось бледное размытое солнце, нехотя переваливающее в этот час через апогей. Часов через шесть, когда вездеход достигнет Порт-Бьюно, оно осторожно опустится ниже и начнется вечер; тогда откроются и будут работать до утра бары и концертный зал, худо-бедно завертится программа ночных развлечений, и Лиза наверняка приготовит что-нибудь вкусное. А пока – уходит за гребень солнце, тень хребта накрывает равнину, свистит на средних оборотах турбина и, вдавливая катками в степь траки, движется, словно беспокойная черная головка огромного, из клубящейся пыли ожившего червя, маленький разведочный вездеход.

– А там что? – Роджер мотнул головой куда-то вправо. – Вон там. А?

Что там может быть? Шабан прищурился, всматриваясь в горизонт и уже чувствуя, как рефлекторно обостряется его реакция, как подрагивают готовые к действию мышцы. Степь, мальчик, степь, ты степи никогда не видел? Пустота там, холод и ветер, и очень хорошо, что только пустота, нам бы этой пустоты до самого Порт-Бьюно. Степь куда опаснее гор, этого ты, мальчик, еще не знаешь, это тебе еще предстоит постичь на практике. А ведь и вправду что-то есть... не может быть... Проволока? Шабан прилип к визиру, крутя увеличение. Верно, проволока. Во огородили... Он весело чертыхнулся. За ограждением что-то шевелилось, какие-то плотные округлые тела слепо тыкались в проволоку. Отскакивали, разбредались, сталкивались друг с другом и опять отскакивали. Гриб? Гриб, конечно. Толстые волосатые гифы – шевелящиеся, ощупывающие. Плантация, и немаленькая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.